

В. ЗАБИРКО

**ДЕНЬ
ПРИШЕЛЬЦА**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Виталий Забирко

День пришельца (сборник)

«ВЕЧЕ»

2018

Забирко В. С.

День пришельца (сборник) / В. С. Забирко — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-7642-6

Молодой учёный Сергей Короп, занимающийся изучением аномальных явлений, получает приглашение на празднование Дня пришельца в российской глубинке. Несмотря на подтрунивания коллег, он всё-таки едет в Бубякино. Вскоре Сергей начинает подозревать, что он чуть ли единственный землянин в этой деревне, приглашённый для какого-то таинственного эксперимента... В книге представлены произведения одного из наиболее ярких представителей отечественной фантастической литературы.

ISBN 978-5-4484-7642-6

© Забирко В. С., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

День пришельца	6
Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	31
Глава четвёртая	41
Глава пятая	51
Глава шестая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Виталий Забирко

День пришельца (сборник)

© Забирко В. С., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Знак информационной продукции 12+

День пришельца

*...Не делай в оный (день) никакого дела
ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя,
ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой,
ни ПРИШЕЛЕЦ, который в жилищах твоих...*

IV заповедь

Глава первая

– Ни в коем случае, Серёжа, – поморщился шеф. – Я серьёзный учёный, а ты мне чёрт знает что предлагаешь!

Он раздражённо отодвинул карту Кашиимской низменности на край стола, откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня усталым взглядом сквозь толстые линзы очков. Я иронично прищурился, и шеф ступешался. Привык он всю жизнь защищать своё научное направление, не преминул оправдаться и сейчас:

– Не мне тебе говорить, что среди прагматиков уфология не считается серьёзной наукой, но наша исследовательская группа всегда подходила к необъяснимым явлениям исключительно с материалистических позиций. Единственное, что себе позволяет уфолог, – высказывать более смелые предположения и гипотезы, чем принято в ортодоксальной науке. – Шеф снова поморщился и повысил голос: – И нечего иронично шуриться – на себя посмотри. Сам-то чем занимаешься?

Я сделал вид, что смутился, отвёл взгляд и поёрзал на стуле. Стул для посетителей в кабинете шефа был неудобный, с короткими ножками; он как бы сразу устанавливал субординацию: кто здесь выше, кто ниже. Неоднократные предложения заменить стул шеф категорически отвергал. «Чтобы сотрудники меньше бегали ко мне за советами, а думали своей головой», – отшучивался он и в чём-то был прав.

– Что вы, Вячеслав Павлович, разве я по поводу уфологии иронизирую?

– Тогда по какому? – насторожился шеф.

– По поводу «чёрт знает чего», – как можно корректнее заметил я. – Зачем вы себе противоречите, Вячеслав Павлович? Не вы ли говорили, что в самых абсурдных свидетельствах достоверность всегда выше, чем в хорошо аргументированных и, на первый взгляд, правдивых сведениях?

– Серёжа, Серёжа... – покачал головой шеф. – Я не только говорил, но неустанно буду это повторять. Мистификаторы подводят под организованные ими «необъяснимые» явления аргументированную базу, а случайный свидетель действительного события описывает его без прикрас и надуманных умозаключений. Из-за чего обоснованное свидетельство мистификатора всегда выглядит более правдоподобным, чем путаное объяснение настоящего очевидца. Мероприятие в Бубякине не имеет ничего общего с нашими исследованиями. Это фикция чистой воды. Балаган.

– Зачем сразу «балаган», Вячеслав Павлович? – не согласился я. – На праздник съедется масса людей, среди них определённо будут и настоящие очевидцы необъяснимых явлений, данные о которых отсутствуют в нашей картотеке. К тому же Бубякино почти рядом с Мшерами, где в позапрошлом году побывала наша экспедиция. Вот смотрите, – я снова пододвинул к шефу карту, – по прямой через лес от Бубякина до Мшера километров пятнадцать...

В этот раз шеф на карту не глянул.

– Почему, почему... – сварливо буркнул он. – Потому! Ехать в Бубякино, где соберутся фанаты НЛО, всё равно что провести опрос о неопознанных летающих объектах среди обитателей сумасшедшего дома. Знаешь, сколько там «подлинных» встреч с пришельцами можно задокументировать? Тонны бумаги не хватит! Мало того, напрямую с инопланетянами можно познакомиться. Там их не меньше, чем Наполеонов Бонапартов.

– По-моему, Вячеслав Павлович, – с сожалением констатировал я, намеренно задевая шефа за живое, – вы боитесь уронить свою репутацию...

Он насупился, недобро глянул на меня и отрезал:

– Да, боюсь! Я сорок лет зарабатывал репутацию честного исследователя и не желаю её терять, принимая участие в балагане!

– Извините, Вячеслав Павлович, – я снова отвёл взгляд и начал складывать карту, – не хотел вас обидеть.

Когда перед шефом извиняются, он размякает и затем чувствует себя так, будто не его оскорбили, а он кого-то обидел. При умелом обхождении из него можно верёвки вить, но я так поступал только в исключительных случаях. Именно такой случай сейчас и был.

Шеф шумно выдохнул, взял сигарету, закурил.

– Ладно, проехали... – великодушно пробасил он. – Как у нас дела с анализом образцов грунта из Медвежьего урочища?

– По предварительным результатам ничего необычного нет, – сказал я в сторону, стараясь выглядеть обиженным, – тем более что в некоторых образцах обнаружены следы горевшего авиационного керосина. На поляне хорошее место для пикника, поэтому можно предположить, что кто-то ранее разжигал керосином костёр. Либо мы опять имеем дело с мистификацией. Окончательный ответ обещали дать в конце следующей недели.

– Авиационный керосин, говоришь... – задумчиво протянул шеф. – Странно. Логичнее было бы разжигать костёр бензином или соляной кислотой.

– Нет, – возразил я. – В урочище автотранспортом не добраться. Пешком либо вертолётном.

– Откуда там вертолёту взлететь?

– В лесничестве говорят, что заместитель губернатора к ним частенько наведывается поохотиться. Иногда на вертолёте.

– Понятно... – разочарованно протянул шеф. – Быстрее анализы сделать не могут?

– Могут, – кивнул я, по-прежнему глядя в сторону. – Но анализы вне очереди лаборатория делает по завышенным расценкам.

– Вот видишь! – Шеф повысил голос. – Везде деньги! Где я их возьму на командировку при нашем скудном финансировании? А спонсор на поездку в Бубякино копейки не даст!

Моя уловка начинала работать, и на поездке в Бубякино было рано ставить крест.

– Я и не прошу, – тихо сказал я, глядя в стол. – Могу за свой счёт...

– У тебя что, до конца следующей недели работы нет?

Шеф раздражённо загасил в пепельнице окурочку и закурил следующую сигарету.

– Работу всегда можно найти, – безразлично заметил я. – Диссертацию надо заканчивать...

– Кстати, о диссертации, – воспрянул духом шеф, ухватившись за оброненное слово. – У меня есть прекрасные данные по Алатойскому диву как раз по твоей теме.

– Я их уже использовал, – корректно сообщил я.

– Да? – удивился шеф.

– Да. Эти данные вы предоставили мне полгода назад.

Шеф смущённо вздохнул, глубоко затянулся сигаретой. Беззащитные, как у всех близоруких, глаза окончательно погрузнели за толстыми линзами очков.

– Что-то я поглупел на старости лет... – пробормотал он. – Вижу, к чему клонишь... Не совсем дурак. Ты в отпуске давно не был?

– Два года.

– Решил недельку развлечься, потусоваться...

– Поездку я планирую исключительно в научных целях, – с каменным лицом парировал я, хотя на самом деле шеф был прав на сто процентов. Праздник и в захолустье праздник, а научные цели только предлог.

Шеф окончательно смутился, снял очки, протёр платком, снова надел их.

– Молодо-зелено... – грустно сказал он. – Ладно, пусть будет по-твоему, поезжай.

– Спасибо, – сдерживая улыбку, кивнул я и поднялся со стула.

Своего я добился.

– погоди, сядь, – остановил меня шеф.

Я сел.

– Запомни, ты туда едешь как частное лицо! – предупредил он. – Если Поярков узнает, грязью так обольёт, что вовек не отмоешься. Твоё желание уважаю, но лично я не хочу иметь к этому никакого отношения.

– Хорошо, – сказал я, достал удостоверение и протянул шефу. – Пусть будет у вас до моего возвращения. Если встречу кого-то из общих знакомых, скажу, что ушёл из института и теперь сам по себе.

– Правильно... – покивал он и снова вздохнул. – Командировочных дать не могу, сам знаешь наше финансовое положение... Но можешь взять «хаммер» – нечего тебе автостопом добираться. Знаю, что там за дороги и как часто по ним ездят.

– Ну, шеф, уважили! – не смог сдержаться я от улыбки. – Огромное спасибо!

На такой царский жест я не рассчитывал. Добрый всё-таки у меня шеф. И человек хороший. В работе кремь, но в жизненных ситуациях – мягок, как глина. Лепи из него что хочешь. Я и лепил по мере надобности, но старался не злоупотреблять.

– Ладно, иди... – расчувствовался шеф и махнул рукой.

Я встал и направился к двери.

– Не забудь, – сказал шеф в спину, – ко всей чуши, которая будет твориться в Бубякине, я не должен иметь никакого отношения! Это надо такое придумать – День Пришельца! Бред полный...

* * *

К мотелю с невзрачным названием «91-й километр» на трассе Ворочаевск – Усть-Мантут, возле которого красовался громадный претенциозно-зазывной плакат: «Отдохни, водитель, если не хочешь ночевать в кювете!» – я подъехал поздним вечером. До Бубякина оставалось часа три пути, но, зная местные дороги, я не решился ехать ночью, чтобы не заблудиться в лесах. Не помог бы и навигатор глобальной системы позиционирования – из-за влияния квази-магнитных полей Кашимского аномального треугольника он категорически отказывался работать.

Переночевав в мотеле, я позавтракал, заправил полный бак «хаммера» и поехал далее. Мотор тянул ровно, без напряжения, и я в очередной раз порадовался, что шеф не поскупился, предоставив для поездки американский военный внедорожник. Следы многочисленных неаккуратно рихтованных вмятин на корпусе, местами облупившаяся краска свидетельствовали о многострадальной судьбе машины, но мотор пока ещё не подводил. При том скудном финансировании, которое выделялось на исследования, нашей группе вовек не иметь бы машины высокой проходимости, если б не щедрость нефтяного магната Алтуфьева. Пять лет назад он организовал экспедицию по поискам в Якутии Адычанского метеорита и привлёк к участию нашу исследовательскую группу. Арендовал вездеходы, вертолёт, а сам прибыл на место на новеньком «хаммере». Разъезжая по тайге, он основательно помял корпус, а когда экспедиция увенчалась успехом, счёл для себя непростительным владеть побитой машиной и подарил её нам. По принципу: на тебе, боже, что мне негоже. Мы не гордые и при других обстоятельствах непременно обрадовались бы, но в то время испытали горечь, поскольку Алтуфьев присвоил осколки метеорита, не дав возможности провести химико-биологические анализы. Здесь уж ничего не попишешь – кто заказывает музыку, тот и девушку танцует... У богатых свои причуды: кто коллекционируют произведения искусства, кто – палеонтологические окаменелости, а кто – внеземные конгломераты. Одно утешало – не будь Алтуфьева, осколки метеорита до сих пор покоились бы в торфянике на глубине двух метров в таёжной глуши бассейна реки

Адыча. И что хуже? Зато у нашей группы появился вездеход. Раньше мы, по большей части, всё пеша да пеша...

Навстречу изредка попадались фуры дальнобойщиков, но в основном шоссе было пустынным, и я мог позволить себе хорошую скорость. На асфальте кое-где виднелись сырые проплешины от рассеявшегося утреннего тумана, в приоткрытое окно врывался свежий ветер, заноса в салон запахи влажной травы и первой осенней прели. Конец августа, моя любимая пора, когда жара уже спала, а холода ещё не наступили.

Два года я не был в отпуске, и ещё как минимум год мне не светило отдохнуть из-за диссертации. Я настроился на работу и не роптал. Но когда по электронной почте пришло письмо с приглашением на празднование Дня Пришельца, я вдруг понял, что если не поеду, не отдохну душой и телом четыре-пять дней, работник из меня будет аховый. Сам себе удивился, до какой степени захотелось раскрепоститься, развеяться, но не в городе, в каком-нибудь ресторанчике или клубе, а на природе, подальше от друзей и сослуживцев, в незнакомой компании фанатов НЛО. Будто письмо навяло. Пришлось наврать шефу, что еду разыскивать свидетелей неучтённых аномальных явлений, хотя на самом-то деле ничего подобного делать не собирался. Я ехал дышать свежим воздухом и весело болтать с чудаками, молящимися на летающие тарелки, как на иконы, чтобы затем, вернувшись, продолжить работу над диссертацией на почти аналогичную тему, но на научной основе.

Свернув на Мщеры, я сбросил скорость. Узкая полоска основательно разбитого асфальта петляла по лесу на восток, восходящее солнце слепило глаза, и лихачить не стоило. К тому же на карте километров через десять была обозначена развилка на Бубякино, и я не хотел её пропустить. Во время позапрошлогодней экспедиции не раз ездил по этому шоссе, но указателя на Бубякино не помнил. По слухам, небольшая деревушка в десяток дворов, но мы в неё никогда не заезжали, поскольку Бубякино находилось в стороне от Кашимского аномального треугольника. Возможно, в деревню вела заросшая травой просёлочная дорога и никакого указателя на развилке не было.

За очередным поворотом я увидел бредущую вдоль шоссе согбенную старуху в ватнике, длинной тёмной юбке, резиновых сапогах и выцветшем клетчатом платке, которая тащила за собой двухколёсную тележку с картонной коробкой, заляпанной высохшей грязью. Заслышав шум мотора, старуха приостановилась, повернулась и подняла руку.

«Мне только бомжихи в салоне не хватало», – с досадой подумал я, старательно объезжая старуху.

Она прокричала вслед что-то обидное, но я не прислушался. Странно, откуда в этой глуши бомжи? Они облюбовывают города, где есть чем подкормиться. За грибами да ягодами, что ли, направилась?

– Чтoб тебе глаза отвело! – отчётливо прозвучал за спиной молодой женский голос.

Я вздрогнул, оглянулся на заднее сиденье, но в салоне никого не было. Тогда я глянул в зеркало заднего обзора. Отъехал я от старухи метров на тридцать, она всё ещё продолжала грозить кулаком, и это никак не мог быть её голос. Голос был молодой, экспрессии в нём не чувствовалось, и странное напутствие прозвучало спокойно, уверенно, как если бы диктор по радио сообщал сводку погоды. Но приёмник был выключен. Кто же говорил в салоне? Неужели слуховые галлюцинации? Нечто подобное наблюдалось в аномальной зоне Кашимского треугольника, но он находился километрах в тридцати северо-восточнее. Или его конфигурация за два года изменилась?

Старательно объезжая глубокие выбоины в асфальте, я проехал километров десять. С обеих сторон шоссе тянулся сплошной смешанный лес с застрявшими в кустах клочками утреннего тумана, а поворот на Бубякино всё не показывался. Проглядел, когда старуху объезжал? На всякий случай я проехал ещё с десяток километров, но никаких дорог направо не заметил. Ни широких, ни узких, ни асфальтированных, ни грунтовых, заросших травой. И

налево никаких дорог не было. Встречных машин тоже, но это не удивительно – в позапрошлогодней экспедиции убедился, какая здесь глухомань. До Мщер оставалось около пятнадцати километров, и стало понятно, что поворот на Бубякино я прозевал. Накаркал голос из аномальной зоны, что ли? Что же делать: возвращаться, продолжая поиски дороги, или доехать до Мщер и там расспросить, как добраться до Бубякина? Карта у меня старая, и сейчас, быть может, в Бубякино ведёт дорога с трассы Ворочаевск – Усть-Мантуг, а не с шоссе на Мщеры.

Я проехал ещё с километр и за очередным поворотом петлявшего шоссе увидел стоящую на обочине милицейскую машину с включённой мигалкой. Слева от машины, в лесу, врезавшись в мощный дуб, застыл колёсный трактор, за трактором виднелся опрокинутый на бок открытый прицеп. У машины стоял тучный милиционер в жёлтом жилете дорожно-патрульной службы, а рядом с ним приплясывал от негодования карлик в клетчатом костюме, тирольской шляпе, огромных ботинках и с тростью в руке. На повышенных тонах карлик что-то выговаривал милиционеру, потрясая тростью в сторону опрокинутого прицепа, а милиционер вяло возражал.

Я притормозил, съехал на обочину и вышел из машины. У людей неприятности, но и у меня тоже. Посочувствую, а затем и о дороге на Бубякино расспрошу.

И тут я увидел третьего человека. Прислонившись к бамперу милицейской машины, на асфальте сидел, широко раскинув ноги, белобрысый моложавый мужчина в перепачканном грязью комбинезоне тракториста и голубыми неподвижными глазами смотрел в небо. Признаков жизни он не подавал, но ни милиционер, ни карлик не обращали на него внимания.

Я подскочил к трактористу, наклонился, потряс за плечо.

– Мужчина, – позвал я, – мужчина, вам плохо?

Тракторист, не сводя голубых глаз с безоблачного неба, разлепил губы и пророкотал:

– Мне хор-р-рошо...

Дух крепкого перегара ударной волной отбросил меня от тракториста.

– Не приставайте к Василию! – повернулся ко мне милиционер. На его одутловатом лице застыло усталое раздражение: – Езжайте своей дорогой. Вы ехали в Мщеры? Вот и продолжайте.

– Вообще-то я еду в Буб... – начал я, скользнул взглядом по завалившемуся на бок прицепу и запнулся. Сердце у меня ёкнуло. Из-за борта выглядывал зеркально отблёскивающий металлом край эллипсоида. – Это... что?

– Что, что... – недовольно пробурчал карлик. – Не видите, что ли? Летающая тарелка!

– Чья? – по-глупому вырвалось у меня.

«Так и бывает, – отстранённо пронеслось в голове. – Годами собираешь свидетельства очевидцев, веришь и не веришь их показаниям, анализируешь почву с мест якобы посадок летающих тарелок, но ничего определённого не находишь... А настоящая встреча всегда случается неожиданно и буднично».

– Моя! – отрезал карлик. – Нанял тракториста, перевезти в Бубякино, а он, гад, её чуть не угробил!

Я ошалело посмотрел на карлика, перевёл взгляд на край летающей тарелки, торчащей из-за борта прицепа, снова на карлика... Наконец до меня дошло. Цирк. Прав был шеф – балаган ждал меня в Бубякине.

Я едва не расхохотался, прикрыл лицо ладонью и сделал вид, что закашлялся. Однако карлик меня понял.

– А вы что подумали? – сварливо спросил он.

– Подумал, что настоящая летающая тарелка из далёкого космоса, – честно признался я.

– Далёкий космос, далёкий космос! – возмутился карлик. – Придумают тоже... Какой он далёкий? До космоса час езды на машине!

Я смешался. Быть может, здесь появился новый посёлок с названием Космос? А почему бы и нет? Веяние времени... Появились же после войны с Наполеоном на Урале деревни с названиями Вена, Париж, Амстердам...

– Простите, как это – час езды на машине? – аккуратно поинтересовался я.

– Как, как... Обычно! – с апломбом заявил карлик, и в его глазах заиграли смешливые искорки. – Если вертикально вверх!

Этим он меня сразил.

– Да... Гм... – смутился я. – Так вы, значит, в Бубякино? И я туда... Видимо, поворот проскочил.

Милиционер недоверчиво посмотрел на меня, на «хаммер».

– Как можно проскочить поворот? Он хорошо виден.

– Наверное, на дорогу засмотрелся, здесь такие выбоины... – попытался оправдаться я. – А где этот поворот?

– Километров пятнадцать лишних проехали, – сказал милиционер. – Поворот налево.

– А мне говорили направо...

– Правильно говорили, – поморщился милиционер. – С трассы – направо, а отсюда – налево.

– В Бубякино, говорите? – переспросил карлик, внимательно оглядывая «хаммер». – Значит, мы по одному и тому же делу? Вы получили приглашение?

– Да, по электронной почте.

– Вот и славненько! – неожиданно обрадовался карлик. – А скажите, молодой человек, машина у вас мощная?

– Да как вам сказать... – замялся я, прекрасно понимая, к чему он клонит. – Не настолько, чтобы вертикально вверх.

– Хе-хе, шутить изволите! – довольно заулыбался карлик. – Сразу видно, наш человек. Вертикально вверх не понадобится. Прицеп сможете на колёса поставить?

Я обречённо посмотрел на прицеп, на «хаммер» и тяжело вздохнул:

– Можно попробовать...

Пока я разворачивал машину поперёк дороги, карлик с милиционером закрепили на борту прицепа короткий трос. Причём с тросом, пытаясь, возился тучный милиционер, а карлик отдавал приказы, размахивая тростью, как дирижёрской палочкой. Я подвёл «хаммер» ближе, милиционер, под чутким руководством карлика, прицепил трос к раме, и тогда я рванул машину на полной мощности двигателя. Прицеп неожиданно легко стал на колёса, и я наконец увидел летающую тарелку во всей красе. Идеально выполненный, без единого шва, корпус был настолько тщательно отполирован, что блестел, как гигантская приплюснутая капля ртути. Сверху тарелку прикрывал прозрачный колпак; сквозь него просматривались пульт управления и маленькое креслице, в которое никто, кроме карлика, поместиться не мог. Не удивительно, что так легко удалось поставить прицеп на колёса – макет, он и есть макет. Даже если очень похож на настоящую летающую тарелку.

– А вытащить прицеп на дорогу можете? – заискивающе поинтересовался карлик.

Он смотрел на меня, улыбался слащавой улыбкой, а в иронично прищуренных глазах читалось: «Куда ты, парень, денешься?» Метр с кепкой в буквальном смысле, а жук ещё тот. Умел на все сто пользоваться своей ущербностью. Из тех, кто, протяни ему палец, руку по локоть с улыбкой откусит. А затем и всего проглотит, не забыв вежливо поблагодарить.

Ничего не говоря, я помог вытащить прицеп из кювета на асфальт. И снова цеплял трос увальень-милиционер, а карлик руководил операцией, помахивая тростью.

– Как у вас хорошо получается! – елеем расплылся карлик. – Прекрасная машина! Скажите, молодой человек, а отбуксировать прицеп в Бубякино у вас не получится?

– Не получится! – с такой же неискренней улыбкой отпел я. «Руку по локоть» он откусил, но когда захотел «проглотить целиком», я воспротивился: – Моя машина не предназначена для буксировки.

– Как это не предназначена?! – возмутился карлик. – Да у вас не машина, а танк!

– Танк не танк, но я не имею права везти гружёный прицеп, – развёл я руками и кивнул в сторону милиционера.

Тучный милиционер мрачно наблюдал за нашей перепалкой, но не вмешивался. Он был солидарен со мной и не только в отношении правил автодорожного движения. Надоело ему цеплять трос, а ещё больше – руководство карлика.

Карлик перевёл растерянный взгляд с меня на милиционера, затем снова на меня.

– А как же я?!

– К сожалению, ничем больше помочь не могу, – развёл я руками, залез в машину и захлопнул дверцу.

– Не переживай, хозяин! – высунулся из-за милицейской машины белобрысый тракторист. – Щаз заведу трактор, и мигом домчим!

– Как ты его заведёшь, если разбил вдребезги!? – гаркнул милиционер. Похоже, его нимало не волновало, что Василий пьян в стельку и собирается садиться за руль. Судьба трактора была дороже.

– Я? Разбил?! Трактор?! – изумился Василий. Он пошатнулся, опёрся рукой о милицейскую машину, перевёл взгляд на трактор и расплылся в улыбке: – Да как его можно разбить? Он ж-же ж-железный!

Аргумент был убийственным, и карлик беззвучно захлопал ртом.

– Вот всё и разрешилось к всеобщему удовольствию, – не преминул съехидничать я. – Всего вам доброго, – кивнул карлику, включил зажигание и поехал в обратную сторону разыскивать поворот на Бубякино.

Невзирая на слова милиционера, что развилка находится километрах в пятнадцати от места аварии, я принялся вглядываться в придорожный подлесок с самого начала. Но опять никаких дорог в лес не наблюдалось. Не было даже тропок. Что за лес такой, в который никто не ездит и не ходит? Была ещё одна странность: солнце поднималось всё выше, но клочья тумана в кустах не рассеивались, а наоборот, становились гуще, местами окутывая стволы деревьев непроглядной пеленой. Мало мне слуховых галлюцинаций, так начались, похоже, зрительные. Неужели аномальная зона Кашимского треугольника расширилась? Эх, сейчас бы сюда нашу аппаратуру...

Я хотел позвонить шефу по мобильнику, но вовремя спохватился. Да что это я, в конце концов, никак не могу от работы отойти? Разве я сюда ехал, чтобы шефа вызывать? Отдохнуть я еду, развеяться, а Кашимский аномальный треугольник никуда не денется. Был он здесь и будет, и даже если его зона расширилась, никаких новых данных мы снять не сможем. Априори.

Не успел я отъехать от места аварии и полкилометра, как сзади на максимальных оборотах взревел мотор трактора, немного порычал, почихал и перешёл на спокойное тархтение. Перед глазами встала недавно виденная картинка, как трактор «обнимает» передними колёсами толстенный дуб, и я восхитился профессиональному мастерству пьяного тракториста. Трактор у него железный, но и руки золотые... Если не считать заезда в кювет. Но в этом больше дурная голова виновата.

Чем дальше я ехал, тем больше тумана проявлялось в лесу, но, странное дело, на дорогу он не выползал. Теперь я точно был уверен, что никакой развилки не увижу. Так и оказалось. Проехав двадцать один километр по спидометру, я за очередным поворотом виляющего по лесу разбитого шоссе увидел старуху. Она сидела на пеньке у обочины, рядом стояла двухколёсная тележка с заляпанной засохшей грязью картонной коробкой. То ли старуха отдыхала, то ли меня поджидала. Сидела она, склонив голову, из-за низко надвинутого на лоб клетчатого

платка лица не было видно, и на звук мотора старуха голову не повернула. И мне почему-то показалось, что она всё-таки не отдыхает, а ждёт меня. Были на то основания. Не совсем дурак, как любит говаривать шеф. Верить в то, что казалось, не хотелось, но креститься я не мог. Неверующий, что с меня возьмёшь...

Сбросив и без того небольшую скорость, я медленно подъехал и, прижавшись к обочине, остановился напротив старухи.

– Доброе утро, – скованно промямлил я. – Вас подвезти?

– Стыдно стало? – тихо спросила старуха и наконец-то подняла голову.

Я обомлел. Голос был молодой, тот самый, что с час назад прозвучал в салоне машины, да и старуха оказалась не старухой, а девушкой лет двадцати пяти с правильными чертами лица и большими зелёными глазами.

Я смешался и не нашёлся, что сказать.

– В следующий раз наука будет, – сказала девушка. Несмотря на правильность черт, что-то с лицом у неё было не так: большие зелёные глаза были светлыми и ясными, но разрез глаз какой-то необычный. И кожа на лице имела зеленоватый оттенок: то ли больная печень, то ли долго не умывалась. Либо и то, и другое вместе – бомжиха, что с неё возьмёшь, как с меня, неверующего...

– Вам куда? – преодолевая неловкость, поинтересовался я.

– В Бубякино.

– И я в Бубякино еду. Садитесь. Дорогу знаете? А то я здесь колешу, колешу, а всё никак не найду...

Девушка усмехнулась, но и не подумала встать с пенька.

– Я-то знаю дорогу, а ты зачем в Бубякино едешь?

«Всё-таки больная, – решил я, глядя на клетчатый платок, из-под которого не выглядывало и пряди волос. – Возможно, лысая, потому и закуталась платком по глаза...»

– Меня пригласили на праздник, – сказал я, проглотив обращение на «ты» как само собой разумеющееся. Пусть она и бомжиха, но девушка.

– Пригласили? – удивилась она и окинула меня недоверчивым взглядом: – И каким же образом?

«Нет, не лысая, – отметил про себя. – На затылке платок приподнят, значит, волосы есть...»

– Каким? – Я пожал плечами. – Обыкновенным. Получил письмо по электронной почте.

Вряд ли она, при своём образе жизни, знала, что такое электронная почта, но это её проблемы.

– Кроме тебя, это письмо кто-нибудь видел? – неожиданно спросила она.

Я вздрогнул и с удивлением посмотрел на девушку. Вопрос был в самую точку. Что ни на есть. Когда я попытался распечатать приглашение на принтере, чтобы показать шефу, ничего у меня не получилось, а письмо исчезло из почтового ящика, будто его и не было. Всё-таки бомжиха об электронной почте кое-что знала. В отличие от меня, не понимающего, как письмо может исчезнуть из ящика само по себе сразу после прочтения. То, что вирус в письме может стереть всю информацию с жёсткого диска, – совсем другое дело.

– Нет, больше никто не видел... – растерянно протянул я.

Девушка посмотрела на меня долгим оценивающим взглядом.

– Будем надеяться, что всё так и было, – сказала она и наконец-то встала с пенька. – Помоги загрузить тележку в машину.

Я вышел из машины, подошёл к тележке, но девушка меня остановила.

– Коробку я возьму на колени, – предупредила она, нагнулась, отстегнула крепёжные ремни и бережно подняла коробку.

И тут я увидел, что руки у неё четырёхпалые, без больших пальцев, отчего ладонь казалась необычайно узкой, а пальцы тонкими, но в то же время, несмотря на уродство, красивыми. Знакомая картина, есть эти данные в нашей картотеке, только они не имеют никакого отношения к пришельцам. Тридцать лет назад, в результате употребления беременными женщинами нового фармакологического препарата астородина, на свет появились младенцы с генетическими уродствами конечностей. Видимо, и кожа зеленоватого оттенка оттуда... Что ж, для меня, по крайней мере, хоть какое-то облегчение, что не заражусь от бомжихи какой-то пако-стью. Но тут я вспомнил карлика на дороге с его «летающей тарелкой», и мне стало тоскливо. Как всё-таки прав был шеф насчёт балагана... Какие только уроды не съедутся на праздник в Бубякино!

– Что ты там застрял? – поторопила девушка. Она обошла машину и, держа на руках картонную коробку, ждала, пока я открою дверцу.

Я поспешно прошагал к ней, открыл дверцу и поддержал под локоть, пока она забиралась на переднее сиденье. Затем вернулся за тележкой и поставил её в салон.

Когда я снова обошёл машину и уже собирался сесть на водительское сиденье, справа из лесу раздался отчётливый птичий свист:

– Тьох-тьох, тьо-тьо-тьох!

Из леса слева отозвалась другая птица:

– Тон-н-нк!

Будто струна лопнула.

Я улыбнулся и покачал головой. Была у леса, кроме тумана, ещё одна странность, на которую раньше не обратил внимания. До сих пор я ни разу не слышал из лесу птичьих голосов. Понятное дело, преддверие осени, птицы не поют, но всё-таки хоть изредка перекликаются... Как сейчас, например.

Сев в машину, я захлопнул дверцу, включил зажигание.

– Веди машину аккуратнее, – предупредила девушка и, уже обращаясь к коробке у себя на коленях, сказала: – Сейчас будет небольшая тряска, но ненадолго. Потерпи, пожалуйста.

Из картонной коробки кто-то жалобно пропищал.

Я покосился на коробку, но ничего не сказал. Ошибся я, никакая девушка не бомжиха, а обычная деревенская жительница. Везёт домой цыплят с птицефермы... Правда, писк не был похож на цыплячий, но мне-то какое дело? Другая забота не шла из головы.

– Вы хорошо помните развилку на Бубякино? – поинтересовался я, разворачивая машину в сторону Мщер.

– Чего её помнить? – улыбнулась девушка и прищурилась: – Её издалека видно.

Наконец-то я понял, что было не так в её лице – она моргала нижними веками. Тоже известное уродство – змеиный глаз. В народе бытует поверье, что люди с таким уродством способны сглазить кого угодно. А уж глаза отвести – раз плюнуть.

– Далеко до неё?

– А чего тут далёкого? – снова усмехнулась девушка. – Вот она.

Я глянул в ветровое стекло и оторопел. Метрах в тридцати впереди с шоссе в лесную чащу, как в тоннель, уходила разбитая колея грунтовой дороги. Вот тебе и змеиный глаз...

Свернув в лес, я пару минут ехал молча, стараясь вести машину как можно аккуратнее, чтобы «цыплят» в картонной коробке не трясло на ухабах. Туман в лесу стал гуще, и дальше десяти метров деревья не просматривались, но, как и на шоссе, на дорогу туман не выползал, хотя сосновые ветки то и дело царапали по корпусу машины, а кроны осин смыкались над узкой колеёй.

Девушка тоже молчала, бережно придерживая на коленях картонную коробку, и тогда разговор начал я.

– Сергей. Можно Серёжа, – представился я и решился, как она, перейти на «ты»: – А тебя как зовут?

– Меня? – Девушка почему-то замялась. – Меня зовут Лиайя.

Имя она произнесла каким-то другим, будто не своим голосом. Словно птичка пропела, и я толком не уловил сочетание гласных.

– Лиайя? – переспросил я.

– Можно и Лиайя, – разрешила она.

– Далеко до Бубякина?

– Нет. Сейчас будет луг, а дальше... Дальше, если не соврал, что тебя пригласили, нас пропустят.

– А если соврал? – фыркнул я.

– А если соврал, то останешься на лугу, а я пойду пешком.

Я недоумённо пожал плечами, хотел поинтересоваться, что за «цыплят» она везёт в картонной коробке, но в это время дорога вывела нас из леса на небольшой, с половину футбольного поля, луг, поросший высоким густым разнотравьем. Противоположную сторону луга полностью закрывал плотный туман, росистая трава серебрилась в лучах солнца, и у меня захватило дух.

– Красиво здесь... – непроизвольно вырвалось у меня.

– Да, – согласилась Лиайя, – красиво.

И только тут я заметил, что узкая колея, в которую не вписывался «хаммер», заканчивается точно посреди луга, упираясь в высокое нетронутое разнотравье. Однако затормозить не успел. Мотор внезапно заглох, и машина остановилась у самой кромки нехоженой травы сама по себе, без моего участия.

– Чёрт! – выругался я, покрутил ключ зажигания, но это не помогло. Я бросил взгляд на приборную доску и обомлел. Все стрелки стояли на нуле. Можно допустить, что в аномальной зоне расширившегося Кашимского треугольника аккумулятор разрядился в одно мгновение, но как могло в одно мгновение испариться горючее, которым я залил полный бак на заправке у мотеля «91-й км»?!

– Да что здесь происходит? – возмутился я.

– Бар и Бос нас встречают, – загадочно пояснила Лиайя.

Справа от машины из высокой травы торчали две собачьи головы. Белой короткошёрстной дворняжки и чёрной кудлатой, также беспородной, собаки. Они сидели рядышком, едва не вплотную, и в упор смотрели на нас. Торчащие розовые уши белой собаки слегка подрагивали, кудлатые варежки ушей чёрной висели неподвижно.

Я не понял, какое отношение собаки имеют к остановке машины, но всё же спросил:

– Почему Бар и Босс? Точнее было бы Босс и Бар.

Лиайя удивлённо посмотрела на меня.

– Босс всегда и везде главный, – пояснил я.

Лиайя усмехнулась, опустила стекло и выглянула из машины.

– Привет, Барбос. Ты нас пропустишь? – обратилась она к собакам.

Собаки повернули друг к другу головы, дружно вздохнули, затем встали и так же дружно, бок о бок, потрусили по лугу в туман, сбивая росу и оставляя за собой тёмную полосу мокрой травы. И я увидел, что это не две собаки, а одна, но с двумя головами. Причём туловище покрывала рыжая прямая и длинная шерсть.

– М-да... – оторопело протянул я. – И кто же из них кто?

– В каком смысле? – не поняла Лиайя.

– Какая из голов Бар, а какая Бос?

– Не знаю, – пожала плечами Лиайя.

– А кто знает?

– Никто, даже сам Барбос. Разве это важно? Они равноправны.
Наконец я пришёл в себя и покрутил головой.

– Не удивлюсь, если у Барбоса есть пятая нога...

– Есть, – подтвердила Лия. – Но он ей не пользуется.

Вопреки моему утверждению, что не удивлюсь, ответ меня сразил, и я не нашёлся, что сказать.

– Поехали, – предложила Лия.

Я глянул на приборную доску и увидел, что бак у меня почти полный, а аккумулятор заряжен.

– Куда? – машинально спросил я, вспомнив сплошную стену высокого разнотравья перед капотом.

– А ты разве не видишь?

Я перевёл взгляд на лобовое стекло и увидел – куда.

Глава вторая

С косогора деревня Бубякино смотрелась как на ладони. В живописной долине посреди леса стояло с десятков аккуратных, как на картинке, домиков с ухоженными квадратами огородов и палисадами у фасадов. Дорога спускалась с косогора и заканчивалась широким кругом утрамбованной земляной площадки напротив современного двухэтажного особняка, на крыше которого располагалась большая тарелка спутниковой связи. Посреди площадки стоял покосившийся столб, густо облепленный стрелками-указателями на всевозможные направления и от этого похожий на модернистский памятник одуванчику. Накренившемуся одуванчику.

Деревня напоминала элитный посёлок, каких сейчас немало понастроено в Подмосковье, но откуда такое образцово-показательное чудо в российской глубинке? И ещё что-то с деревней было не так, но что именно, я понял не сразу, очарованный природной красотой долины. Лишь когда повёл «хаммер» по дороге с косогора, заметил, что на крышах домов отсутствуют дымовые трубы и нигде нет столбов электропередачи. Неужели потёмкинская деревня? Как тогда с этим согласуются ухоженные огороды?

– Высади меня у гостиницы, – попросила Лия, указав глазами на двухэтажный особняк.

Я кивнул и подвёз её к калитке палисада у особняка. Рядом с калиткой, среди кустов цветущих роз стояла открытая беседка, в которой за столом с самоваром сидели благообразный старик с дородной старухой и, отдуваясь, пили чай из блюдец. На скамейке рядом со стариком стоял граммофон с огромным раструбом, но музыка не играла. Скорее всего, граммофон был бутафорией, как и стоптанный сапог на самоваре.

Вывеска над входом в гостиницу гласила, что она, ни много ни мало, называется «Перекрёсток миров», а под названием, как на этикетке выдержанного коньяка, поблёскивали пять звёздочек. Так я и поверил в пятизвёздочность гостиницы! Любят в российской глубинке пустить пыль в глаза, и далеко за примерами ходить не надо. В тех же Мщерах у рынка стоит обшарпанный киоск с претенциозным названием «Мини-супермаркет».

Лия выбралась из машины, я достал тележку, хотел помочь установить на неё коробку с «цыплятами», но девушка от помощи отказалась. Сама поставила коробку на тележку, прикрепила ремнями и вошла в калитку.

– Добрый день, хозяева! – поздоровалась она со стариками.

– И тебе день добрый, гостюшка званая, – кивнул старик. Пышная шевелюра и окладистая борода походили на ком белоснежной ваты, в которой невозможно разглядеть ни единого волоска. На старике были холщовая косоворотка, чёрные сатиновые штаны в полоску, а на бабе – сиреневый сарафан, белый передник, на голове красный в белый горошек платок. Лица у обоих были добрые, румяные, без единой морщины, и этим хозяева напоминали деда с бабой с книжных иллюстраций детской сказки о Колобке.

– И как тебя зовут, красна девица? – поинтересовалась старуха.

«Зелёна девица», – поправил я про себя, захлопнул дверцу «хаммера» и вошёл в калитку вслед за Лией.

– Лиайя, – снова странно, сглаживая гласные звуки, пропела моя попутчица и добавила уже нормальным голосом: – Мне должны были забронировать номер.

Старик со старухой переглянулись и дружно кивнули.

– Есть такой заказ, – сказал старик. – Нумер восемьсот шестьдесят седьмой на восьмом этаже. Проходи, гостюшка дорогая!

Я посмотрел диким взглядом на старика со старухой, на двухэтажный особняк. Под крышей, окнами на противоположную сторону, могла размещаться мансарда, которую с некоторой натяжкой можно считать третьим этажом, но где ещё пять? И потом, судя по количеству окон, на одном этаже могло находиться не более десятка комнат, откуда тогда шестьдесят семь?!

Лию это нисколько не смутило.

– Благодарствую, – сказала она, протащила за собой тележку к крыльцу, подняла её и скрылась вместе с тележкой за дверью.

Н-да... А я было подумал, что Лия местная... Цыплят для развода с фермы везёт... Или индюшат... Барбоса знает... А оказывается, что она такая же пришлая, как и я. Мало того, для неё номер в гостинице забронирован, и её, в ватнике, резиновых сапогах и с грязной картонной коробкой, полной индюшат, радушно принимают...

– День добрый, молодой человек, – поздоровался дед, шумно прихлёбывая из блюда. – Чаю не желаете?

– С вареньем, с баранками? – добавила баба.

Я оторвал взгляд от крыльца и перевёл на хозяев гостиницы. Они радушно улыбались, глаза лучились добротой. Бабка гостеприимно подвигала по столику вазочку с вареньем и блюдо с горкой сухих бубликов.

– Спасибо, не желаю, – вежливо поблагодарил я. – Желаю остановиться в гостинице.

Дед с бабой удивлённо переглянулись и снова посмотрели на меня. Улыбки с губ не исчезли, радушие в глазах нисколько не убавилось, но они молчали, явно ожидая от меня продолжения.

Я вспомнил, что говорила Лия, и представился:

– Сергей.

Имя не произвело впечатления.

– Сергей Владимирович, – добавил я отчество.

– Дормидонт Александрович, – приосанился дед.

– Александра Дормидонтовна, – представилась бабка.

Я недоверчиво перевёл взгляд с деда на бабу. Шутят они здесь так или говорят серьёзно? По радужным улыбкам, будто застывшим на лицах, я не смог определить и тогда достал паспорт и протянул деду.

– Вот, пожалуйста, если не верите.

Дед взял паспорт, отодвинул от себя на вытянутую руку, полистал, посмотрел, но мне почему-то показалось, что дальнорукость у него наигранная.

– Сергей Владимирович Короп, – медленно, по слогам прочитал дед, закрыл паспорт, протянул бабке и спросил: – Тебе это нужно?

Бабка отрицательно покачала головой. Дед вернул мне паспорт и снова предложил:

– Так как насчёт чаю? Присаживайтесь, не стесняйтесь!

Никогда прежде я не сталкивался со старческим маразмом и не знал, как он проявляется. Неужели так?

Я сунул паспорт в карман и терпеливо, как детям, начал объяснять:

– Я получил приглашение на праздник...

– Так... – дружно закивали дед с бабкой.

– Приехал...

– Так...

Дед с бабкой гостеприимно улыбались, в глазах лучилось понимание ситуации, но они упорно ждали чего-то ещё.

– Хочу остановиться в вашей гостинице...

– Так...

– У вас есть свободные номера? – в конце концов не выдержал я их «понимания ситуации».

Наконец-то до них дошло. Дед с бабкой переглянулись, и бабка сокрушённо сообщила:

– К сожалению, мил человек, все номера давно забронированы.

– И Сергея Владимировича Коропа в списке нет... – добавил дед и в очередной раз предложил: – Садитесь с нами чай пить!

Предложение я проигнорировал.

– И что же мне теперь делать?

– Пить чай! – дружно заявили дед с бабой.

– Я имел в виду, где мне теперь ночевать? – досадливо поморщился я и кивнул на громадное бревно, лежащее вдоль штакетника с наружной стороны: – Не на завалинке же?

– Что ты, милоч! – всплеснула бабка руками. – Зачем на завалинке? На ней разве что Василий иногда спит, когда домой с устатку дойти не может. А переночевать это не проблема. Ты к Кузьминичне на постой попросись, она всех пришлых принимает.

– А где эта Кузьминична живёт?

– Он что, хочет, чтобы ему Кузькину мать показали? – спросил дед у бабки.

– Ты чего, дед? – возмутилась бабка. – Не Кузькина мать ему нужна, а внучка Кузькиной матери. – Она повернулась ко мне и расплылась в улыбке: – Дык первая изба сразу за углом.

– И на том спасибо, – кивнул я и вышел в калитку, посмеиваясь про себя. Изначально под выражением «Кузькина мать» подразумевалась собака – матёрая сука, готовая всех порвать за своего кусачего щенка. Но в мире нет ничего устоявшегося, и интерпретация из Кузькиной матери в Кузькину мать давно стала обиходным выражением. Поэтому я ничему не удивлялся. Значит, такова у Кузьмы была мать. Против народной мудрости не возразишь, не попрёшь.

– Молодой человек! – окликнул дед. – Вы свой рыдван за гостиницу поставьте, пока там место есть. А то сейчас, – он махнул рукой в сторону косогора, – ещё гости будут.

Из леса на косогоре донеслось приглушенное тарахтение трактора. Довёз-таки Вася-тракторист «летающую тарелку» карлика.

– Что ты, дед, мелешь? – возмутилась бабка. – Василий не скоро привезёт гостя. Вечером только. Так что, мил человек, присаживайтесь, чайку попейте...

– Спасибо, нет, – отказался я, залез в свой «рыдван», развернулся и поехал за гостиницу.

Когда я завернул за угол особняка, то понял, почему дед советовал пораньше припарковать машину за домом. Большая площадка за гостиницей была заставлена всевозможными летающими, бегающими, прыгающими и ползающими моделями аппаратов пришельцев. Здесь были модели паукообразных аппаратов, передвигающиеся на восьми и более лапах, обтекаемые каплеобразные амфибии, космические корабли-трансформеры, какие-то кубы, параллелепипеды, шары и, само собой, тарелки, тарелки и ещё раз тарелки. Естественно, летающие. Некоторые модели были сделаны основательно, с душой, и их легко было принять за настоящие, некоторые – абы как, и казалось, что они развалятся от первого прикосновения. Верхом полного абсурда выглядел обыкновенный велосипед с притороченными к раме крыльями из деревянных реек, обтянутых вощёной папиросной бумагой. На одном крыле красной краской было написано «Осоавиахим», на другом – «СССР». Крылья у велосипеда смотрелись как пятое колесо у телеги. Либо как пятая нога у собаки... Гм, да... Я вспомнил Барбоса. Дурдом полный. Здесь не только люди маразматики, но и животные уроды.

На косогоре дико взревел трактор, я оглянулся и увидел, как с круто наклонившегося прицепа соскользнул макет летающей тарелки и, подпрыгивая на кочках, устремился вниз по склону, оставляя за собой широкий след примятой травы. Из следующей за трактором милицейской машины выскочил карлик и, потрясая тростью, заорал не своим голосом. Вася-тракторист выбрался из кабины трактора и принялся оправдываться, сокрушённо разводя руками. Летающая тарелка скатилась по склону и замерла у подножья косогора, совершив в своей жизни первый и, быть может, последний не совсем удачный полёт. Тем временем милиционер быстренько развернул машину, выключил мигалку и скоростно ретировался, посчитав миссию сопровождения законченной. Что карлик со своей летающей тарелкой, что Вася-трак-

торист надоели ему хуже горькой редьки. И ведь права оказалась бабка Дормидонтовна, что Василий доставит гостя только вечером! Просто-таки прорицательница, несмотря на маразм.

Я достал из салона чемодан, запер дверцы «хаммера», поставил машину на сигнализацию, затем обогнул гостиницу и увидел, как по голой утрамбованной площадке неспешной трусцой бежит Барбос о двух головах: левой – чёрной и правой – белой. Приблизившись к покосившемуся деревянному столбу с указателями, пёс задрал левую заднюю ногу и окропил его. Белая голова повернулась к чёрной и обиженно тявкнула. Чёрная голова тяжело вздохнула, Барбос обошёл столб с другой стороны, поднял правую заднюю ногу, снова окропил его и теперь уже, исполненный достоинства, потрусил прочь по своим собачьим делам. Равноправие, ничего не попишешь... И не пописаешь. А вот пятой ноги я у Барбоса так и не увидел.

Из любопытства я подошёл к столбу, посмотрел на указатели и понял, что столб покоился не сам по себе или по вине пьяного Васи-тракториста, а наклон на север был строго выверен на Полярную звезду, что подтверждала надпись на стрелке-указателе, венчавшей столб, как наконечник копья: «Polaris A – 430 световых лет».

Я начал читать надписи и понял, что к празднику, Дню Пришельца, в Бубякине готовились долго и основательно. Каких только надписей здесь не было: «Денеб – 3260 световых лет», «Мицар – 78 световых лет», «HD 179 949 – 90 световых лет»... На указателе «ЕН 7031» вместо световых лет было почему-то указано расстояние в 150 парсеков. Были здесь и совсем непонятные названия звёзд, состоящие из одних знаков препинания, а одно название обозначалось нотами. Вертикально вверх смотрел указатель, прикрепленный к столбу на шарнире, и на нём было написано: «Далёкий Космос – 90 км». Ну, это нам уже известно. Час езды на машине... На этой географической широте, естественно.

Я вспомнил, что мотель на трассе Ворочаевск – Усть-Мантуг, в котором останавливался на ночь, назывался «91-й км». Случайное совпадение или...?

Столб внезапно дрогнул и, скрипнув, едва заметно повернулся по оси против вращения Земли. Повернулись и все указатели, и только стрелка на шарнире сдвинулась в противоположную сторону, продолжая, как поплавок, указывать вертикально вверх на близкий «Далёкий Космос».

Я ошалело посмотрел под ноги. Никакого устройства, вращающего столб, не было. Обыкновенная земля, разве что слегка увлажнённая Барбосом.

– Молодой человек! Сергей свет Владимирович! – позвала бабка из беседки. – Поди-ко к нам, чайку попей!

«Дался мне ваш чай!» – в сердцах подумал я, тупо глядя на основание столба. Затем потряхнул головой, взял себя в руки, обернулся и вежливо отказался:

– Спасибо, как-нибудь в другой раз.

– Чай у нас липовый, варенье смородиновое... – продолжала зазывать бабка.

– Мы и музыку заведём... – подключился дед.

Послышался ритмичный скрип пружины граммофона.

Я развернулся и молча зашагал к избе Кузьминичны. Точнее, внучки Кузькиной матери. Из-за спины донеслось шипение иголки по граммофонному диску.

«Сейчас грянет что-нибудь вроде “У самовара я и моя Маша...” – подумал я. – Точнее, не Маша, а Саша. Александра Дормидонтовна».

Жили-были дед и баба,
Ели кашу с молоком.
Рассердился дед на бабу —
Хлоп по пузу кулаком!
И-и-и-и-эх!!!

«Ну, естественно, – подумал я. – Какие ещё там дед с бабой из сказки о Колобке? Они не такие, они во-он какие... Только не кашу с молоком едят, а чай гоняют. Со смородиновым вареньем... И по пузу хлопают... Кулаком». Как можно хлопать кулаком, я не представлял.

Изба за углом гостиницы оказалась приличным одноэтажным коттеджем европейского образца, и только белые занавески с вышитыми крестиком красными петухами за стеклопакетами окон красноречиво свидетельствовали, что я всё же нахожусь в России. У большого деревянного стола на двух массивных колодах, стоймя вкопанных в землю возле крыльца, сидела пожилая женщина в простоватом платье, беленькой косынке и кухонным ножом споро крошила баклажаны, доставая их из ведра с водой, а крошево сыпала в огромную миску.

Я остановился у калитки, поставил на землю чемодан.

– Добрый день! Не подскажите, где найти Кузьминичну?

Женщина оторвалась от своего занятия, подняла голову:

– День добрый, молодой человек. Я – Кузьминична.

Взгляд у неё был приветливый, но, к счастью, ничего общего со сказочными персонажами в её лице не было, и у меня отлегло от сердца. Обычная женщина, хотя и внучка Кузькиной матери.

– На постой не возьмёте?

– Отчего ж не взять такого молодого да пригожего? – усмехнулась Кузьминична, отложила в сторону кухонный нож, встала из-за стола, вытерла руки о передник. – Да вы проходите, не стесняйтесь.

Я поднял чемодан, открыл калитку, прошёл по дорожке, вымощенной серым кирпичом, к крыльцу.

– Звать-то вас как? – спросила она.

– Сергей.

– А по батюшке?

– Стоит ли? – смутился я, намекая на нашу разницу в возрасте.

– Как это не стоит? – не согласилась Кузьминична. – Вы ж городские, не то что мы, деревенские...

Мимо воли я глянул на коттедж. М-да... Многим городским бы так жить. Мне, в частности.

– Владимирович.

– Хорошее имя у вашего батюшки. Знала я одного с таким именем. Умный был... А сынок его, Ярослав свет Владимирович, ещё мудрее батюшки оказался...

Я поник. И эта туда же... Да что они здесь все – из дурдома сбежали? Хозяева гостиницы на сказках чокнулись, а эта – на Древней Руси? Хотелось в сердцах отпеть, что, мол, и я знал одного Кузьму, точнее, его матушку. Кузькину мать то есть. Всё же, решив не нарываться, я благоразумно сдержался и постарался уйти от скользкой темы. Я-то имел в виду фольклорную Кузькину мать, а не настоящую.

– Сколько за постой возьмёте?

– За постой? – Кузьминична задумалась, поджала губы, пытливо вглядываясь мне в глаза: – Ну... Рублёв сто не много будет? – осторожно поинтересовалась она.

Я недоумённо глянул на особняк. Это куда же она меня на постой определит за такие деньги? Не на сеновал, случайно?

– Само собой за эти же деньги столоваться будете, – принялась оправдываться Кузьминична, неправильно истолковав мою заминку. – Кормить буду, потчевать...

С каменным лицом я молча достал портмоне, вынул пятьсот рублей и протянул ей.

– За пять дней.

Кузьминична растерянно покосилась на деньги, взяла чуть ли не со страхом, и тогда я понял, что она просила сто рублей за всё время проживания. Чёрт побери, куда я попал?! Что это за привилегированный филиал дурдома?!

– Идёмте, я вам горницу покажу, – смущённо предложила Кузьминична, неловко спрятала деньги в карман фартука и повела меня в дом.

Больше я ничему не удивлялся. Ни европейской отделке «горницы», ни полам с подогревом, ни водяному матрасу на кровати, ни джакузи в ванной комнате. Ни тому, откуда здесь электричество, водопровод и канализация. Впрочем, одно обстоятельство удивило. Отсутствие телевизора и телефона. А в остальном... Устал я удивляться. Было две версии: первая – я попал в лечебницу для элитных душевнобольных, вторая – кто-то затеял грандиозную мистификацию. В первую версию не верилось, а во вторую... Вторая тоже была под большим сомнением. Это какие же деньги надо вложить, чтобы такой посёлок отгрохать ради забавы?! По силам разве что какому-нибудь олигарху... Но это вряд ли. Не так-то уж много в России олигархов, а те, кто есть, выше футбола в своих стремлениях не поднимаются. Да и в случае футбола всё больше под себя гребут. Сейчас мецената днём с огнём не сыщешь, одни спонсоры. И опять же вопрос – зачем? Олигархи чудить не любят.

– Сергей свет Владимирович, вас горница устраивает? – вывела меня из размышлений Кузьминична.

– И Серёжу устраивает, и Свету Владимировну... – скаламбурил я, но, похоже, Кузьминична не поняла. Я задержал взгляд на коробке кондиционера и спросил: – Окна открывать можно?

– Почему нельзя? Конечно, можно, – заверила Кузьминична, и мне почему-то показалось, что о назначении кондиционера она не догадывается. Стоит себе коробка, ну и пусть стоит. Чей же это дом тогда?

– ...Что ж, располагайтесь, не буду мешать, – попятилась к двери то ли хозяйка, то ли прислуга, пускавшая в дом постояльцев, пока хозяева отсутствовали. – Чай, обедать когда изволите?

– Чай не буду, – опять скаламбурил я, – а обедать... Часика через два. Помыться хочу с дороги, отдохнуть.

– Лёгкого пара добру молодцу! – пожелала на прощанье Кузьминична и закрыла дверь.

Оставшись один, я распаковал чемодан, развесил вещи в шкафу, разделся и прошёл в ванную комнату. Полочки в ванной комнате были заставлены всевозможными шампунями, кремами для бритья, одеколонами и духами. М-да, сервис для пятисот рублей, прямо сказать, ошеломляющий.

В джакузи я залезать не стал, а принял душ. Вытираясь полотенцем, вышел в комнату, открыл окно. Кузьминичны в палисаднике не было, исчезла со стола и громадная миска с нарезанными баклажанами. Наверное, хозяйка перебралась на кухню, где и продолжила заниматься, судя по объёму миски, зимними заготовками. Я с сомнением оглядел комнату. При таких-то хоромах, да зимние заготовки? Неувязочка получается...

Со стороны гостиницы приглушённо шипел граммофон, и хриплый голос в сопровождении не менее хриплой музыки задорно пел-выкрикивал: «Лучше выпить пару чая!...» Чего именно пару: стаканов, чашек – в песне не уточнялось. У подножья косогора тарахтел трактор, и Василий-тракторист под чутким руководством карлика пытался взгромоздить на прицеп летающую тарелку. То ли грузчик из Василия в подпитии был никакой, то ли руководство – недостаточно чутким, но у них ничего не получалось. К столбу с указателями вновь подошёл Барбос и вновь окропил его с двух сторон. Только теперь вначале задрал правую заднюю лапу, чем вызвал недовольное ворчание чёрной головы, а затем левую. Столб скрипнул и слегка провернулся по оси. Неужели Барбос его поливает, чтобы легче вращался?

Я отошёл от окна, сел на кровать. Надо бы позвонить шефу... Напрямую ему ничего говорить нельзя, а вот завуалированно подготовить... Мол, доехал нормально, спасибо за машину... Пока ничего существенного, но есть интересные намётки... В частности, изменение конфигурации аномальной зоны Кашимского треугольника...

Однако когда я попытался вызвать шефа по мобильнику, ничего не получилось. Нет, не высвечивалось на экране «Абонент недоступен» или «Номер заблокирован», происходило нечто непонятное. То после набора первых же цифр шли короткие гудки, то вдруг я вклинивался в чей-то разговор, то диктор какой-то радиостанции начинал вещать новости или сводку погоды. Я не отступался и всё пробовал, пробовал... Пока из телефона шепелявым голосом не грянула песня: «У самовара я и моя Маша...»

Дождлся-таки! Я очумело уставился на мобильник, перевёл взгляд на окно и не смог понять, откуда звучит песня. Тогда я отключил мобильник, улёгся на кровать и закинул руки за голову. Почти так же, как мобильник, работал в аномальной зоне и навигатор глобальной системы позиционирования. Он не отключался, но точка нахождения машины на местности прыгала по экрану как мишень в простенькой компьютерной игре «Охота на зайца». Да, но зачем тогда на крыше гостиницы стоит антенна спутниковой связи? Бутафория? Или... Или всё, что происходит с мобильником и навигатором, не имеет никакого отношения к аномальной зоне Кашимского треугольника, а целиком и полностью зависит именно от спутниковой антенны? Выходит, всё-таки мистификация? Но кому это нужно и зачем? То, что наши олигархи на такое не пойдут, я понял давно. Видел, как тряслись руки и горели глаза нефтяного магната Алтуфьева, когда он перебирал осколки Адычанского метеорита. Вот уж правильно говорят: «Руки загребуши, глаза завидуши...» Но если это всё-таки мистификация, то затеяна она отнюдь не ради меня.

Я начал анализировать странности сегодняшнего дня и практически всему нашёл объяснение. Напустить в лесу туману – не проблема, и на нагретую солнцем дорогу он выползает не будет, если использовать жидкий азот. Спрятать в землю мотор, который вращает столб с указателями, – это совсем просто. В цирке с помощью зеркал прячут тело человека, оставляя на столе одну голову, аналогичным образом легко и «глаза отвести» с развилки на Бубякино... Зеленоватокочная Лия, Кузьминична, Дормидонт Александрович и Александра Дормидонтовна – обычные артисты, играющие свои роли... Вот двуглавый пёс Барбос – это да. Это круто. Но в кунсткамере и не такие монстры замаринованы в банках с формалином. Разве что не поддавалась объяснению остановка «хаммера» на лугу... Если не предположить, что в картонной коробке Лии находились вовсе не цыплята, а мощный высокочастотный разрядник. При импульсном разряде в результате электромагнитного резонанса стрелки всех приборов падают на нуль, и, естественно, аккумулятор не даёт искры...

Я перебирал в голове казус за казусом, находил вразумительные объяснения, всё больше успокаивался и не заметил, как задремал. В дреме мне привиделось чёрт знает что. Будто бы я волшебным образом перенёсся в Киевскую Русь, и водит меня по хоромам княжеского терема ключница в древнерусских одеждах и с лицом Кузьминичны, всё показывает да рассказывает, а между делом с усмешкой выговаривает: «Эх, ты дурачина-простофиля! Ты ж кого это за моих знакомых принял?! Знакомец мой, Владимир – это не князь, а конюший нашего князя, удалой молодец, Копытом прозванный... А сынок его, Ярослав, постельничим был. Головастый мужик, перину пуховую придумал, за что его за глаза Мудрым прозывали...» Под конец Кузьминична-ключница неожиданно пропела ангельским голоском: «Серёжа свет Владимирович! Откушать не изволите?!»

Я проснулся и никак не мог понять, приснился ли мне зов, или на самом деле прозвучал из открытого окна.

– Серёжа свет Владимирович... – снова донеслось из окна. – Кушать не изволите?!

Вскочив с кровати, я бросился к окну и выглянул.

Вечерело. Покрасневшее солнце зависло над горизонтом, в низине вдоль косогора стелились тонкие нити тумана. В воздухе пахло лиственной прелью и... странно, почему-то дыней. Не вызревают здесь дыни, откуда тогда запах? Привозная, что ли? Музыка со стороны гостиницы не звучала, было по-хорошему тихо, и только где-то из-за угла несмело тренькал сверчок. Летаящая тарелка карлика, скатившаяся к подножью косогора, исчезла, трактор тоже. Справился-таки с задачей Василий.

– Сергей Владимирович, – с укором сказал голос Кузьминичны, – чай, ужин стынет...

Я посмотрел из окна налево и увидел хозяйку дома в нарядном сарафане и ярком цветастом платке. Она сидела у стола, застеленного белой, вышитой, как и занавески на окнах, красными петухами скатертью, на которой, как на самобранке, были расставлены блюда крестьянского разносола. При виде румяных пирогов мне так захотелось есть, что позабыл скалмбурить насчёт стынувшего чая.

– Пять минут, Кузьминична, оденусь... – пообещал я и принялся натягивать джинсы. И всё же, как ни хотелось есть, пока одевался, думал не о пирогах, а о своём странном сне. К чему бы мне снилась Древняя Русь? Как уфологу, мне приходилось сталкиваться с толкованием сновидений, и шеф даже заставил прослушать платный курс лекций по сновидениям у психоаналитика. Так что по этой части я достаточно подкован – по крайней мере, чтобы анализировать подсознательные видения. А вот в истории Древней Руси я не силен... Не уверен, но, кажется, Ярослав Мудрый не был Владимировичем, и давно забытое знание выразило в подсознании протест таким вот сном... Или всё-таки был? Но если предпосылка верна, тогда многое объясняется... В том числе почему Кузьминична предстала в качестве ключницы – задавал же я себе вопрос, чей это коттедж? Одно, пожалуй, не объяснить – почему во сне я был твёрдо уверен, будто Кузьминична жила тысячу лет назад в Древней Руси? В принципе, любой сон можно разложить на составляющие, проанализировать их, дать соответствующую оценку, найти связь с реальными событиями и переживаниями... Да толку-то с этого? Толковать сновидения можно по-разному, и это главное, что я вынес после прослушивания курса лекций о сновидениях и о чём не преминул поставить в известность шефа, что он зря деньги на ветер выбросил, заплатив за лекции по психоанализу для своих сотрудников. Уфология и то гораздо более точная наука, чем толкование сновидений.

– Серёжа свет Владимирович... – в очередной раз пропел из окна голос Кузьминичны.

– Бегу!

Я набросил на плечи куртку и выскочил из горницы на крыльцо. Кузьминична, черпая половником из супника, наливала щи в большую тарелку.

– Щец бабы Кузьминичны отведай, – сказала она. – Зелёных, со сметаной...

Не скупясь, она деревянной ложкой зачерпнула из крынки густую сметану и положила в тарелку. Я сел за стол, взял ложку. Зелёные щи на цвет были фиолетово-синими.

– Кушайте, кушайте, Серёженька... Вот, с пирогами-то с грибами...

Кузьминична придвинула ко мне блюдо с румяными пирогами.

С некоторой предосторожностью я попробовал щи и неожиданно понял, что вкуснее мне есть не приходилось. Я размешал сметану и, нимало не стесняясь, принялся мести всё подряд за обе щёки. Сам от себя не ожидал, что так проголодался. Только когда вычерпал тарелку до дна, обратил внимание, что ем один, а Кузьминична сидит напротив и, подпёрши голову ладонями, умиленно смотрит на меня.

– Кузьминична, а вы почему не ужинаете? – смутился я.

– Я сыта, – отмахнулась она. – Пока стряпала да пробовала, вот и наелась. Много ли старухе надо? Это вам, молодым, силы нужны.

– Не приbedняйтесь, Кузьминична, какая же вы старуха? – польстил я. – Вы женщина ещё о-го-го! Небось, все местные дедуганы сватаются.

– За столом не мели языком, а мели зубами, – строго одёрнула Кузьминична. – Вот отведайте, Серёженька, нашей картошечки с мясом...

Она забрала у меня пустую тарелку из-под шей и пододвинула следующую – с горкой варёной картошки и кусками тушёного мяса. Мясо выглядело нормально, а вот картошка была зелёно-синей, с виду неаппетитной. Я аккуратно попробовал и в очередной раз ошибся. Картошка была рассыпчатой и очень вкусной, несмотря на вид.

«Трансгенные продукты», – решил я, но не отказался. Какой-никакой, но, я всё-таки учёный и знаю цену развернувшейся вакханалии о запрещении трансгенных продуктов. Как ни прискорбно, но в науке достаточно шарлатанов и прохиндеев, защищающих диссертации и даже становящихся академиками на волне пиара против научно-технического прогресса. Так обстоят дела и с трансгенными продуктами, употребление которых якобы может привести к трансмутации человеческого организма. На самом деле любой земной организм защищён от трансмутации при употреблении в пищу продуктов животного и растительного происхождения, в противном случае человек, на протяжении многих тысячелетий употребляющий в пищу хлебные злаки, давно бы заколосился. Разница между трансгенными и естественными организмами заключается лишь в том, что первые появились на свет благодаря трансгенной инженерии, а вторые – мутировали до нынешних видов во время эволюции. И на этом всё. Жиры, углеводы, витамины и прочие питательные компоненты тех и других ничем не отличаются друг от друга. В своё время человечество сталкивалось с почти аналогичной проблемой, когда была открыта Америка и в рационе европейцев начали появляться картофель, томаты, кукуруза, подсолнечное масло... Сейчас уже никто не помнит вкуса знаменитой репы, горохового киселя, чечевичной похлёбки, полбяной каши. Думаю, со временем о «бунте» против трансгенных продуктов будут вспоминать с той же иронией, с которой сейчас вспоминают знаменитые картофельные бунты, когда люди вместо клубней употребляли в пищу содержащие алкалоиды ягоды картофеля и травились.

– Очень вкусно, – похвалил я, окинул взглядом стол и сокрушённо покачал головой: – Вы столько наготовили... Мне всего не осилить.

– Не переживайте, Серёженька, – отмахнулась Кузьминична. – Будет кому доесть. Вон, сосед мой, Василий, проспится в канаве, придёт и попросит... Да и кроме него ртов предостаточно.

– А почему он в канаве спит? – осторожно поинтересовался я. Вроде бы к вечеру тракторист должен был протрезветь.

– Карла его опять напоил, – сокрушённо покачала головой моя хозяйка. – Как Василий доставил его летательный аппарат, так Карла ему бутылку самогона выставил. А Василий до спиртного слабый...

Я покивал в знак солидарности с Кузьминичной и принялся неторопливо есть. С чувством, с толком, с расстановкой. На куске мяса я неожиданно обнаружил черешок, чем-то похожий на грушевый, подумал вначале, что мясо тушилось с грушами, но когда попытался вилкой удалить черешок, оказалось, что он составляет с мясом единое целое. Это ещё что – растительное мясо?! О таких трансгенных продуктах я слыхом не слыхивал... Но и мясо, как и трансгенная картошка, оказалось вкусным.

Я поднял голову, окинул взглядом деревню. Несмотря на ранний вечер, в некоторых окнах коттеджей горел свет, многие, наверное, ужинали, но воздух был чистым, прохладным, лесным, и в нём не чувствовалось запаха дыма, который неизменно сопровождает в деревне любую стряпню. Это-то понятно, своими глазами видел бытовое оснащение коттеджа... Другое было странным – ни с одного подворья я до сих пор не слышал кудахтанья кур, мычания коров. Да и стожков сена, обязательных к осени возле каждой деревни, я не видел. Откуда тогда, спрашивается, сметана? Тоже трансгенный растительный продукт? Растёт, скажем, прямо из земли этакое вымя, дающее не молоко, а сразу сметану... Сметанное вымя.

Однако спросил я о другом. О том, ради чего сюда прибыл.

– Скажите, Кузьминична, а у вас, в деревне часто праздники устраивают?

– Кому как, – усмехнулась она. – У Василия, например, чуть ли не каждый день праздник.

– Я имею в виду День Пришельца.

– Это какого ещё пришлеца? – недоумённо переспросила Кузьминична и подозрительно посмотрела на меня. – Вас, что ли? У нас много пришлых бывает, у меня останавливаются, но чтобы праздник в их честь...

– Вы меня неправильно поняли, – поправился я. – Я хотел спросить, не появлялись ли у вас в деревне странные существа, похожие на людей, но не люди?

Кузьминична задумалась, потербила концы платка.

– Было как-то... – нехотя проговорила она. – Но чтоб это праздник был...

– Расскажите, пожалуйста! – воспрянул я духом. Байку, не байку расскажет, но иногда в случайных сообщениях попадались рациональные зёрна. Взять хотя бы феномен Алатойского дива, на базе которого я писал диссертацию.

– Что там рассказывать! – отмахнулась хозяйка. – Срамота одна... Кушайте лучше, Серёженька, картошка стынет.

– Обязательно всё съем! – заверил я. – Но под ваш рассказ.

Кузьминична глубоко вздохнула.

– Если уж так настаиваете... – поморщилась она, снова вздохнула и начала: – Было это годиков пять назад, а то и поболее. Поводился он с огорода Василия капусту воровать...

– Кто «он»?

– Да кто ж его знает? – пожала плечами Кузьминична. – Сам маленький, двух аршинов от земли не будет, зелёнький, с рожками, на жабу похож и на человечка також. И всё бы ничего – сколько он там капусты украдёт? – но он над Василием насмехаться стал. Рожи ему корчил, обидные слова выкрикивал... Тот ещё паскудник. Ужо Василий чего только ни делал! И с дубьём за ним по деревне гонялся, и капканы в огороде ставил, и дустом травил, да так перестарался, что его огородник месяц болел, за огородом не ухаживал... А этому зелёнькому хоть бы что.

Я приуныл. На быль это не было похоже, а было похоже на байку. Но прерывать не стал. Пусть бает, сам напросился.

– В деревне вначале над Василием посмеивались, а затем жалеть стали. Василий с лица спал, приболел, даже пить перестал, но всё никак не мог найти управу на зелёнького паскудника. Так прошло месяца два. Василий совсем извёлся. И вот однажды поутру просыпается он оттого, что в огороде паскудник опять бедокурит, капусту рвёт и нехорошими словами Василия на чём свет костерит. Разгневался Василий, выскочил на крыльцо и увидел, как паскудник с кочаном капусты под мышкой ему рожи строит и обидно хихикает. И понял тогда Василий, что никак ему с насмешником не справиться. Постоял он, постоял на крыльце, махнул безнадёжно рукой и сказал в сердцах: «Чтоб ты сдох!»

Кузьминична тяжело вздохнула и замолчала.

Я наколол последнюю зелёно-синюю картофелину и отправил в рот.

– Спасибо, – сказал, – было очень вкусно.

– На здоровьице, Серёженька.

– И что дальше?

– Дальше десерт будет.

– Да нет, я спрашиваю, чем дело у Василия с зелёньким паскудником закончилось?

– Ах, это... Да тем и закончилось.

– То есть как? – не понял я. Странные какие-то байки в деревне Бубякино – без концовки.

– А вот так, – пожала плечами Кузьминична. – Как Василий сказал, так и получилось.

Он и сдох.

– Кто?! – опешил я.

– Кто-кто... Не Василий же... – Кузьминична встала из-за стола и принялась убирать грязную посуду. – Паскудник сдох. Не сходя с места.

– Ап! – только и сказал я, поперхнувшись последней картофелиной, и закашлялся. Смех пополам с кашлем разбирал так, что я не мог остановиться, пока Кузьминична не постучала по спине. Уела она меня, дальше некуда.

– Ну, спасибо... – выдохнул я и хотел встать из-за стола, но Кузьминична удержала за плечо.

– Погодите, Серёжа, я вас ещё кое-чем вкусненьким на десерт угощу... Уберу со стола и угощу.

Я сел, и тут мне в голову пришло, как вывести Кузьминичну на чистую воду.

– А с тельцем зелёнького паршивца что случилось? Испарилось? – ехидно поинтересовался я.

– С чего бы это оно испарилось? – поджала губы моя хозяйка, составляя грязные тарелки одна на одну. – Василий взял лопату, выкопал ямку на пустыре и закопал.

«Чёрт! – подумал я. – А вдруг – правда?! Вот это будет номер, если я из Бубякина привезу останки пришельца!»

– Вы мне место не покажете? – с тайной надеждой попросил я.

– Так показывать нечего, – покачала головой Кузьминична. – Была у нас тогда собака Жучка. Раскопала она ямку и сожрала всё, что от паскудника осталось.

Опять она меня вокруг пальца обвела. Нечего байкам верить. Размечтался.

Кузьминична взяла стопку грязной посуды и понесла на кухню.

– А зимой Жучка щенка принесла. Да вы его видели – Барбоса, – на ходу сказала она.

Я задумчиво поглядел вслед хозяйке и опять начал сомневаться, верить мне или не верить. Если так и было, то появление на свет Барбоса ставило крест на моей теории о транс-генных продуктах. Глядишь, и я стану таким же сине-зелёным, как местный картофель...

– Вам помочь убрать со стола? – кивнув на блюдо с пирогами и супник, предложил я, когда хозяйка вернулась.

– Пусть стоит, – махнула рукой Кузьминична, – я попозже Василию занесу, а то он сегодня ничего не ел, только пил.

Она села за стол и пододвинула к себе блюдо с большими, по форме похожими на грейп-фруты, но чёрными плодами. Снова пахло ароматом дыни.

– Сейчас я вас, Серёженька, бздыней угощу.

– Дыней? – переспросил я.

– Нет, бздыней, – категорично поправила хозяйка.

– Название какое-то неприличное... – заметил я.

– Уж какое есть, – не согласилась она. – Есть на то причины.

– Какие же? По запаху, вроде, не бздыней... гм... а дыней пахнет.

Кузьминична конфузливо прыснула:

– Шутник вы, однако, Сергей свет Владимирович... С чем это вы сравниваете? Сейчас поймёте, почему так называется.

Она выбрала плод побольше, положила на стол перед собой и ударила по нему ножом.

– Бздын-н-нь!!! – прозвучало в вечернем воздухе, и чёрный плод раскололся на четыре дольки, лопнув, как спелый арбуз. Дынный аромат ударил в ноздри.

– Угощайтесь. Вы такого, небось, не едали.

Кузьминична пододвинула ко мне дольку и подала ложку. Кожура у бздыни была твёрдой, как у ореха, зато розовая мякоть мягкой и по вкусу напоминала талое мороженое с привкусом дыни.

– Действительно не едал, – согласился я. – Вы меня так раскормите, что дома никто не узнает.

– Не берите дурного в голову, Серёженька. Молодым всё впрок.

Что она имела в виду под «всё впрок», я не стал уточнять.

Солнце село, начали проявляться первые звёзды. Я бросил взгляд на пустырь у гостиницы и увидел Барбоса, скрупулёзно ставящего собачьи метки на столбе со звёздными указателями.

– А правда, что у Барбоса есть пятая нога? – спросил я.

– Правда, – подтвердила Кузьминична и загадочно добавила: – Но он её редко показывает, и лучше вам её не видеть.

Я пожал плечами:

– Странная у вас деревня...

– Ничего подобного, – обидчиво возразила хозяйка. – Самая обычная.

– А как же двухголовая собака с пятой ногой? – возразил я. – Того и гляди, у вас телега с пятым колесом имеется.

Кузьминична не ответила и поджала губы.

– Неужели есть?! – изумился я.

– Телеги нет, – нехотя произнесла Кузьминична. – А пятое колесо вроде бы есть...

– Как это?!

– Да Василия у нас так за глаза прозывают. Василий Пятое Колесо К Телеге. За что ни возьмётся, всё у него не так получается.

Я покивал. Вот это нормально. Это в соответствии с русскими обычаями, и в прозвище ничего необычного нет...

Из-под стола вынырнуло щупальце, схватило дольку бздыни и мгновенно скрылось. Я остолбенел. Щупальце по виду было похоже на дождевого червя, только толщиной в руку. Всеми, что сегодня со мной происходило, что видел в деревне, я более-менее нашёл какое-то логическое объяснение. Щупальце объяснению не поддавалось. Это не пятое колесо к телеге.

– Кто это? – просипел я пережатым горлом, заворожённо глядя на стол, где совсем недавно лежала долька бздыни.

– Где? – не поняла Кузьминична.

– Да вот только что... Дольку бздыни...

Из-под стола, воровато прячась в тени, показался кончик щупальца.

– Вот! – заорал я, указывая пальцем.

– Ах ты, такой-сякой! – шикнула на щупальце хозяйка, и оно мгновенно исчезло. – Ты чего без спроса на стол лезешь, гостей пугаешь?

– Кто это? – потусторонним голосом спросил я. Будто и не я спросил, а кто-то вместо меня.

– Огородник... – досадливо пояснила хозяйка. – Вы думаете, почему у меня такой ухоженный огород? Это всё он, сама бы не управилась. А он рыхлит, окучивает, поливает, сажены сажает, урожай собирает... Он вообще-то скромный, на глаза не показывается, но бздыню очень любит. Вы уж извините его...

– Чего уж там... – растерянно выдохнул я. – Неужели не понимаю? Огородник он и есть огородник. Эка невидаль... – Ирония помогла справиться с ошеломлением, и я увидел в краже дольки бздыни логическое несоответствие: – Если сам выращивает, почему тогда ворует?

– Лущить бздыню не умеет. Руки у него мягкие, нежные... – Кузьминична взяла с блюда бздыню и расколола её. – На уж, – бросила дольки под стол, – а то совсем изведёшься.

Из-под стола донеслось поспешное чавканье.

– Он у вас и за домом следит? – отстранённо спросил я.

– Не-ет... За домом домовик ухаживает. Такое в последнее время понастроил, понаставил, что я и не второпая, что к чему.

Я тоже уже ничего не «второпывал». Огородник, домовик... Неужели и зелёный паскудник имел место быть?

У дома Василия показалась неясная колеблющаяся тень. Покачиваясь, она медленно проскользила по стене, приблизилась к столу в палисаднике, села и замерла.

– Это домовик?

– Где?

Я указал глазами на соседский палисадник.

– Это Василий. Проспался в канаве, домой вернулся. Пойду-ка пирогов ему отнесу. Проголодался, небось, целый день только самогон жравши... А потом к Дурдыхе заскочу, покалякать. Скучно ей одной...

Сердобольная Кузьминична подхватила со стола блюдо с пирогами и направилась к соседу.

А я ещё долго сидел в прострации. Не в Кашимскую аномальную зону нам надо было ехать в позапрошлом году, а сюда... Кто мне сейчас поверит? Сам бы не поверил, если бы кто-то другой рассказал.

Всё ярче разгорались звёзды, стрекотал сверчок под домом, изредка из темноты, со стороны утрамбованной площадки, доносилось тихое поскрипывание вращающегося столба с указателями звёзд. И мне казалось, что всё это уже когда-то было, и не просто было, а было всегда. Будто я всю жизнь сидел здесь под звёздным небом в тишине и покое. Вечно.

Глава третья

Разбудили меня странные звуки. В окно светило утреннее солнце, лёгкий ветерок теребил занавески, и во дворе кто-то хриплым голосом немелодично напевал:

Тыц-тыц, тырыдыц.
Бздын-н-нь!!!

Что-то это мне напомнило... Ага, почти так же перекликались вчера в лесу птицы: «Тьох-тьох, тьо-тьо-тьох!» «Тон-ннк!» – но у птиц это звучало намного мелодичнее.

Я спустил ноги с кровати, подошёл к окну и исподтишка выглянул из-за занавески. У дома напротив, в палисаднике за столом сидел всклокоченный, с опухшим лицом Василий в затрапезной майке и ношенных-переносимых шароварах. На столе перед ним стояли пустой гранёный стакан и тарелка с варёной местной картошкой пополам с тушёным растительным мясом – явно из вчерашних угощений Кузьминичны. Отбивая такт ладонями по столу, Василий скороговоркой произносил: «Тыц-тыц, тырыдыц!», хватал вилку и, ударяя по пустому стакану, заканчивал: «Бздын-н-нь!!!» Некоторое время он смотрел на стакан, тяжело вздыхал и снова повторял нехитрую мелодию. За подобную интерпретацию птичьего пересвиста Василия следовало забросать гнилыми помидорами. Но меломанов поблизости не было. Деревня, откуда им здесь взяться?

«Что он там колдует? – недоумённо подумал я. – Бздыню, что ли, выпрашивает у огородника?»

Я хотел отойти от окна, как увидел, что со стороны гостиницы к Василию, прячась за штакетником, приближается карлик в неизменном клетчатом костюме, шляпе и с тростью в руке.

«Ага! Вот и оскорблённый в лучших чувствах меломан», – решил я, обратив внимание, как он держит трость. Трость если и не эффективнее гнилых помидоров, то больнее.

Не доходя до Василия метров двадцати, карлик замер за штакетником и поднял трость. И только со стороны Василия прозвучало «Бздын-н-нь!!!», карлик махнул тростью, как дирижёрской палочкой.

– Опля! – восторженно выкрикнул Василий, и я перевёл взгляд на него. До того пустой гранёный стакан оказался наполовину наполненным мутной жидкостью.

Василий приосанился, сделал серьёзным лицо, схватил стакан и залпом выпил. Секунду другую он сидел неподвижно, затем жутко передёрнулся, замотал головой. Наконец его отпустило, он удовлетворённо крикнул, взял вилку и принялся завтракать. Стучать вилкой по стакану он больше не собирался. Пока.

Я посмотрел на карлика. Карлик широко улыбнулся, развернулся и, уже не таясь, зашагал назад к гостинице.

«Циркач хренов!» – подумал я и направился умываться.

Со стороны гостиницы грянула песня:

...Я выпиваю чашку чая
И вновь пьянею без вина!

У деда Дормидонта с бабкой Дормидонтовной был свой праздник. Вечное чаепитие.

Я побрился, почистил зубы, умылся, оделся. Затем достал из чемодана ноутбук и цифровой фотоаппарат. Ноутбук я оставил на столе, включив в сеть для подзарядки, а фотоаппарат взял с собой, повесив на ремешке через плечо.

– Привет, сосед! – поздоровался через дорогу Василий, как только я вышел на крыльцо. Он привстал из-за стола и помахал рукой.

– Доброе утро, – кивнул я.

– Уже доброе... – неуверенно согласился Василий и с сожалением посмотрел на пустой стакан.

– Вы мою хозяйку не видали? – спросил я.

– Видал. Она... – Василий неопределённо покрутил пальцами. – Она тебе завтрак на столе оставила.

На столе у крыльца, прикрывая тарелки, лежало большое белое полотенце с вышитым крестиком красным петухом. Как на занавесках. К чему бы это? Издревле на Руси под «красным петухом» подразумевался пожар. Но здесь, похоже, не опасались поминать всеу «красного петуха». Видел в коттедже систему пожаротушения – спичке разгореться не даст.

Я поднял полотенце. Тарелка разогретой картошки с мясом, пироги, большая кружка простокваши. А Кузьминична, наверное, с утра к Дурдычихе подалась. Любят бабы в деревне посудачить, косточки всем перемыть. Даже представлять не хочется, что там обо мне наговорили.

– Эй, сосед! – позвал Василий.

– Да?

– Там у тебя этого... – Василий покрутил кулаком с оттопыренными большим пальцем и мизинцем, затем щёлкнул себя по кадыку: – Нет?

– Нет. Простокваша есть.

– Ты ещё чаю предложи, – обиделся Василий. Он повернулся в сторону гостиницы и передразнил: – «Я выпиваю чашку чая и вновь пьянею без вина...»

Музыка у гостиницы мгновенно оборвалась.

– Эх, жизнь моя жестянка... – разочарованно махнул рукой Василий и встал из-за стола. – Пойду-ка я спать, устал что-то... И гори всё ясным пламенем...

Полотенце в моей руке шевельнулось, как от порыва ветра, хотя я никакого дуновения не ощутил. Василий выбрался из-за стола, нетвёрдой походкой взошёл на крыльцо и скрылся за дверью своего коттеджа, оставив на столе грязную посуду.

Я сел за стол, отложил в сторону полотенце... и вдруг увидел, что вышитых крестиком красных петухов на нём не один, а два. Странно, неужели в первый раз ошибся, когда смотрел на полотенце, или оно было так подвёрнуто, что второго петуха не заметил? Я посмотрел на двери коттеджа Василия и поёжился, вспомнив рассказ Кузьминичны: «...Чтоб ты сдох! – сказал в сердцах Василий. И вредный пришелец сдох. Не сходя с места...»

М-да... Такие пироги...

Пироги я съел и простоквашу выпил, хотя опять удивился, откуда в деревне, где нет коров, молоко. А вот картошку с мясом есть не стал. Вкусная она, но после вчерашнего рассказа Кузьминичны, каким образом на свет появился двухголовый Барбос, завтракать трансгенной картошкой с растительным мясом расхотелось. Хоть я и не беременный.

Когда я закончил завтракать, то обратил внимание, что грязная посуда на столе у коттеджа Василия исчезла. Но ничуть не удивился. Кто это сделал: огородник или домовик, – я не заметил, но не очень-то по этому поводу переживал. Цирковыми фокусами меня не удивишь и на мякине не проведёшь.

Я тоже не стал убирать со стола грязную посуду, встал и направился к гостинице.

Дед Дормидонт и баба Дормидонтовна с дежурным постоянством чаёвничали в беседке, и создавалось впечатление, что они ночевали у самовара. Ничего не изменилось.

– Ба! – излишне эмоционально воскликнул дед Дормидонт. – Сергей свет Владимирович Короп собственной персоной! Не изволите ли чайку попить?

– С вареньем, с баранками, – затянула свою песню Дормидонтовна.

– Доброе утро. Не подскажете, где можно зарегистрироваться?

Предложение попить чаю с баранками я категорически проигнорировал.

– Чего? – не понял дед.

– Жениться он хочет, – пояснила старуха. – Это так по-современному венчаются.

– Хочу зарегистрироваться как участник форума, – корректно поправил я.

Дед будто не услышал.

– И с кем вы желаете зарегистрироваться? – по-деловому поинтересовался он.

– С кем, с кем... – шикнула на деда баба. – А то не понятно? С Лийкой из восьмьсот шестьдесят седьмого... – Она повернулась ко мне и расплылась в умильной улыбке: – Сейчас, милоч, позовём...

– Да вы что тут, с ума посходили?! – в конце концов не выдержав, осатанел я. – Какая женитьба?! Я хочу зарегистрироваться как участник праздника!!!

– Ничего подобного, мы с ума не сходили, – радушно улыбаясь, возразил дед. – Сидим, чай пьём. И вы присоединяйтесь.

– А насчёт регистрации с Лией это вы, Сергей свет Владимирович, правильно решили, – впряглась бабка. – Она девка справная...

Я посмотрел на них безумным взглядом. На щеках деда с бабой играл румянец, оба улыбались, смотрели добрыми масляными глазами, и у меня невольно зародилось подозрение: а чай ли они пили? Неужели и «опьянение без вина» Василий наколдовал? Руками у него ничего не получается, а вот... Волосы на голове зашевелились, когда представил, что может означать «а вот...», но я быстро взял себя в руки. Хватит с меня мистических бредней!

– Я получил приглашение на праздник... – с трудом сдерживаясь, чтобы снова не сорваться, начал объяснять я.

– Так... – дружно кивнули дед с бабой, ясными глазами проявляя полное понимание ситуации.

– Приехал...

– Так...

– Теперь хочу зарег... – запнулся я, представив, что сейчас всё снова пойдёт по «венчальному» кругу, и поправился: – Хочу, чтобы организаторы праздника внесли меня в список прибывших гостей.

Дед с бабой недоумённо переглянулись.

– Сергей свет Владимирович, – обстоятельно начал дед, – вы получили приглашение на праздник?

– Та-ак... – протянул я, подавшись, как гипнозу, их «пониманию ситуации», и замотал головой, избавляясь от наваждения. – То есть да!

– Приехали в Бубякино... – сказала бабка.

– Да! – гаркнул я.

– Так чего вы хотите? – радушно улыбаясь, спросил дед.

Я сник окончательно. Маразм крепчал.

– А то тебе не понятно? – снова шикнула на деда бабка и улыбнулась мне. – Сергей свет Владимирович жениться хотят! На Лие из восьмьсот шестьдесят седьмого нумеру.

Я застонал.

Входная дверь гостиницы распахнулась, и на крыльце появилась стройная девушка в белом джинсовом костюме и серебристых босоножках. На голове у неё была сложная причёска из светлых волос в виде башни на затылке, глаза зелёные. Этакая модель с подиума.

– Кто тут ко мне сватается? – спросила она, и я, обомлев, узнал Лию. Кто бы мог подумать, что под ватником и старушечьим платком скрывается такая красавица... Даже четырёхпалые, без больших пальцев кисти рук не уродовали её, а зеленоватый оттенок кожи был похож на экзотический загар.

– Да вот, сокол наш ясный, залётный, Сергей свет Владимирович! – сообщила бабка. Лия окинула меня пренебрежительным взглядом, иронично прищурила глаза.

– Тоже мне, жених! – фыркнула она. – Все залётные пролетают. Нам таких не надо. Хлопнув дверью, она скрылась в гостинице.

Жениться я ни на ком не собирался, но столь явное пренебрежение моей персоной задело. Судя по тому, как быстро Лия выскочила на крыльцо, женихами она интересовалась, но я её категорически не устраивал. Уродина, а туда же...

– А давайте, молодой человек, мы с вами чаю выпьем! – жизнерадостно предложил дед Дормидонт.

Наверное, я бы взорвался, но в это время Дормидонтовна воскликнула:

– Вот и Карла идёт! Карла, присосеживайтесь к нам, чайку попьем!

Я оглянулся и увидел подходящего к беседке карлика.

– Цыц, дедуганы! – бесцеремонно заявил он. – А то отключу!

Впервые я увидел, как улыбки сползли с лиц деда и бабы, а глаза потускнели.

– Вы с этими манекенами, Серёжа, построже, – сказал карлик и, взяв меня за рукав, отвёл в сторону: – Будете миндальничать, на голову сядут.

– Манекены? – растерялся я, оглядываясь на деда с бабой. Розовые, без единой морщины лица излучали здоровье и жизнелюбие, и в искусственность стариков не верилось.

– Фигурально выражаясь, – поморщился карлик и протянул мне руку: – Не пора ли нам познакомиться? Карла.

– Серёжа... – неловко пожал я его руку и поправился: – Сергей.

И только потом понял, что мог бы и не представляться – карлик знал моё имя. Да и я, в общем, его имя слышал от Кузьминичны.

Ладонь у карлика была большой, как у взрослого человека, такой же большой была голова. Только тельце подкачало.

– Не удивляйтесь, – усмехнулся карлик, – Карла – моё настоящее имя. Я не обижаюсь, привык. Можно Карла Карлович. Что вы от них хотели?

Я опять оглянулся на стариков. Дед с бабой уже пришли в себя, снова улыбались и, прихлёбывая из блюдец, пили чай.

– Скажите... А они кто друг другу? – неожиданно для самого себя спросил я. – Дормидонт, Дормидонтовна... Отец с дочерью?

– Да какая вам разница, Сергей Владимирович? – передёрнул плечами Карла. – Отец с дочерью или муж с женой? Они так долго живут, что сами не помнят. – Концом трости он приподнял шляпу, сдвинул её на затылок и насмешливо посмотрел на меня снизу вверх: – Неужели именно этим у них интересовались?

– Нет, конечно... – смешался я. – Хотел зарегистрироваться...

– В каком смысле? – не понял Карла.

Я поёжился и внимательно посмотрел на карлика. Неужели и он сейчас начнёт «такать» и изображать на лице полное понимание, чтобы потом высказать не менее полное непонимание?

– Вы имеете какое-нибудь отношение к организаторам форума? – издалека начал осторожно интересоваться я.

– Здесь нет организаторов. На праздник гости съезжаются по собственной инициативе.

– Но регистрация участников проводится?

– Вот вы о чём! – рассмеялся карлик, и у меня отлегло от души. Не все, оказывается, тут маразматика. Однако следующий вопрос Карлы заставил меня снова насторожиться: – Вы приглашение получали?

– Да...

– Если приехали по приглашению, то этого вполне достаточно. Никакой регистрации не проводится. Это праздник, а не симпозиум. Здесь отдыхают и веселятся, а не проводят семинары и читают лекции.

– Ах, вот как...

– Именно так, – снисходительно улыбнулся карлик. Он перевёл взгляд с меня на особняк, кому-то помахал рукой и крикнул: – Сейчас буду!

Я посмотрел на особняк, но успел лишь увидеть, как закрывается окно на втором этаже. Не уверен, но мне показалось, будто рука, закрывавшая окно, была тонкой и четырёхпалой.

– Ещё вопросы будут? – спросил Карла Карлович.

– Да. Когда начнётся празднование?

– Завтра с первыми лучами солнца.

– Странно... – недоумённо покрутил я головой. – А в приглашении было написано вроде бы сегодня...

– Сегодня день заезда, и вас вызвали на день раньше, чтобы вы немножко пообщились. Гости, в основном, начнут прибывать вечером.

Я с недоверием окинул взглядом утрамбованную площадку с сиротливо торчащим по центру наклонённым столбом с указателями звёзд.

– Здесь будет проходить празднование?

– Именно. После полудня начнут устанавливать аттракционы.

– У вас есть программа?

Карла снова рассмеялся:

– Помилуйте, Сергей Владимирович, какая программа? Каждый будет развлекаться, как ему заблагорассудится! И, поверьте, – он загадочно подмигнул, – так гораздо лучше. Вы, если не ошибаюсь, впервые на таком форуме?

– Не ошибаетесь.

– Получите массу незабываемых впечатлений! – заверил он и, приподняв шляпу, раскланялся: – Извините, хотел уделить вам больше времени, но появились неотложные дела. Всего вам доброго!

Он ушёл в гостиницу, и я остался один, если не считать старика со старухой в беседке, совершающих вечную чайную церемонию по-русски. Прихлёбывая из блюдец, они пили чай, улыбались друг другу, но меня к себе больше не зывали. И к лучшему.

Я покрутился на месте, посмотрел на косо установленный столб со звёздными указателями, на коттеджи, на гостиницу, на косогор, на лес... Пообщаться было не с кем – деревня будто вымерла, не считая чаёвничавших в беседке стариков, общением с которыми я был сыт по горло.

Для начала я сфотографировал столб со звёздными указателями, пока площадку не заставили аттракционами. Конечно, столб лучше было бы снять на профессиональную цифровую видеокамеру, но она сейчас находилась в Медвежьем урочище, где Гостюжев и Попов проводили съёмку местности на предмет выяснения обстоятельств посадки неизвестного летательного аппарата и откуда регулярно присылали шефу образцы грунта для анализа. Другой профессиональной видеокамеры у нас не было. Снимать же мобильником не имело смысла: кадры с низким разрешением в науке не принимаются, так как на них, при большом желании, можно рассмотреть не только НЛЮ, но также хвосты, рога и копыта.

Я снял столб в четырёх ракурсах, стараясь, чтобы на всех кадрах хорошо просматривалась тень от столба на земле. Через час надо будет повторить, чтобы имелось документальное свидетельство вращения столба. Конечно, любой оппонент такое свидетельство поднимет на смех – мол, повернули столб руками, а через час снова сфотографировали, – но я надеялся, что шеф мне поверит, и тогда сюда приедет серьёзная исследовательская группа с видеокамерой и всей имеющейся у нас аппаратурой.

Затем я сделал несколько панорамных кадров косогора, лесного массива, деревни, гостиницы. Закончив съёмку, отошёл к штaketнику у гостиницы и сел на завалинку. Хорошо бы сфотографировать двухголового Барбоса, но он почему-то не показывался. Известное дело, принцип подлости. Когда очень надо, ничего не получается. Остаётся надеяться, что пока буду ждать, чтобы второй раз сфотографировать столб с указателями, Барбос объявится. И надо попытаться заснять огородника – выманить его на дольку бздыни... Кстати, бздыню тоже можно представить в качестве доказательства, хотя трансгенными продуктами сейчас никого не удивишь. Даже растительным мясом. А вообще, кажется, я, как старатель, набрёл на мощную жилу аномальных явлений. Сам того не ожидая. Какое благодатное поле для исследований!

– ...Нет, не полетит, – донёсся из-за угла гостиницы басок.

– Да что ты такое говоришь?! – срывающимся фальцетом возмутился высокий голос. – Как это не полетит? Ещё как полетит!

Из-за гостиницы, ведя перед собой велосипед с крыльями, вышел худой, как жердь, старик, в мятом парусиновом костюме и такой же мятой светлой шляпе, сдвинутой на затылок. Правая штанина была подвёрнута по колено, обнажая сухую тонкую ногу, отчего разбитые туфли казались огромными, как у клоуна. Самым примечательным у старика была борода – длинная, по пояс, и настолько редкая, что можно было пересчитать все волоски. Сопровождал старика пухлый мальчишка лет двенадцати, в тубетейке, чистеньких шортах и глаженной белой рубашке.

– Не полетит, – поморщившись, авторитетно пробасил мальчишка. – Без дрынобулы ни за что не полетит.

– С дрынобулой что хочешь полетит! – сварливо возразил старик. – А ты без неё попробуй!

– Ты, дед, не гоношись. Без дрынобулы и пробовать нечего.

Старик тяжело вздохнул, задумался.

– Да где ж её взять, дрынобулу? – расстроился он.

– Хробак говорил, что на прошлой неделе видел подержанную дрынобулу в Мщерах на барахолке.

– Хробак тебе наговорит! – возмутился старик. – Верь ему... Он говорит, что и со снежным человеком встречался, автограф у него брал...

– Но насчёт дрынобулы чего ему врать? – не согласился мальчишка.

– Хробаку соврать, что два пальца... – старик запнулся, кашлянул. – В общем, враль ещё тот. А потом, как ты в Мщеры попадёшь? Допуск у тебя есть?

– Нет...

– И у меня нет. Какая тогда разница, есть ли дрынобула на барахолке в Мщерах или её там нет?

Мальчишка развёл руками.

– А без дрынобулы не полетит, – упрямо повторил он.

«Какой ещё допуск в Мщеры? – недоумённо подумал я. – Неужели я был прав, когда предположил, что здесь элитная лечебница для душевнобольных? Но как тогда с этим согласуются вращающийся столб, огородники, домовики? Впрочем, одно другому не мешает».

Старик отстранил от себя велосипед, окинул его придирчивым взглядом.

– Должен полететь! – безапелляционно заявил он. – Зря, что ли, магическими заговорами крылья расписал?

Мурашки пробежали у меня по спине. С каких это пор «Осоавиахим» и «СССР» стали магическими письменами? Нет, прав таки шеф, дурдом здесь ещё тот...

– Не полетит, – покачал головой мальчишка.

– А с косогора?

- Дед, разобьёшься...
- А я попробую!
- Дед, не стоит...
- А я всё равно попробую!
- Может, не надо?
- Надо!
- Разобьёшься, кто собирать тебя будет?
- А ты на что?
- Ну, разве что я...

До сих пор рассудительная речь мальчишки производила на меня благоприятное впечатление, и я почти уверился, что он обычный нормальный паренёк, но последняя фраза расставила всё по местам.

- Тогда поехали?! – фальцетом выкрикнул старик.
- Поехали... – сомневающимся эхом отозвался бас мальчишки.
- На косогор?!
- На косогор...

Они начали взбираться по дороге на косогор. Дед вёл велосипед, мальчишка шёл сбоку, и опять между ними начался спор.

- Полетит! – запальчиво выкрикивал старик, потрясая реденькой бородой.
- Не полетит... – рассудительно возражал мальчишка, но я уже знал цену его рассудительности.

Пока я наблюдал за душевнобольными «воздухоплавателями», к столбу со звёздными указателями подошёл Барбос и принялся совершать дежурную процедуру. Я схватил фотоаппарат и пару раз щёлкнул. Барбос сделал своё дело и гордо, с чувством честно выполненного долга, пошёл восвояси.

- Привет, Барбос, – сказал я.

Пёс остановился и посмотрел на меня четырьмя глазами. Рыжая грудь у него была широкая, передние лапы раскорячены, как у бульдога. Я попробовал в густой шерсти под грудью разглядеть спрятанную пятую лапу, но не смог. Быть может, пятая лапа не передняя, а задняя? Гм... Барбос хоть и двухголовый, но всё-таки пёс, и то, что было у него между задними лапами, к пятой лапе не имело никакого отношения.

Чёрная голова заворчала, белая лениво тявкнула, словно Барбос спрашивал, зачем я его остановил. Вспомнив, что говорила Кузьминична о пятой лапе, я не стал ею интересоваться.

- Никак не могу понять, – сказал я Барбосу, – какая из голов у тебя Бар, а какая Бос?

Головы недоумённо посмотрели друг на друга и пренебрежительно прыснули. Умная псина, понимает... И тогда я решил позлить его.

– Попробуем рассуждать логически, – сказал я. – Слово Барбос пишется слева направо. Значит, левая – Бар, а правая – Бос. То есть, чёрная голова – первый слог, а белая – второй. Выходит, чёрная голова у тебя старшая.

Белая голова возмущённо тявкнула, зато чёрная удовлетворённо заворчала.

- Вот и разобрались, – сказал я.

Но это я думал, что разобрались, на самом деле получилось по-другому. Внёс я сумятицу в собачьи души, объединённые в одном теле. Белая голова обижено взвизгнула, чёрная рыкнула на неё, на что белая зашлась возмущённым лаем и укусила чёрную за ухо. Чёрная не осталась в долгу, куснула белую за шею, и через мгновение пёс уже вертелся на месте, с рычанием и визгом кусая сам себя за что ни попадя.

– Ты что это, женишок, вытворяешь?! – услышал я из-за спины, вздрогнул от неожиданности и обернулся.

Сзади, облокотившись о штакетник, стояла Лия и зелёными глазами недобро смотрела на меня.

– Ничего особенного, – пожал я плечами. – Помог Барбосу разобраться, какая из голов у него старшая.

– Барбос! – прикрикнула Лия. – Прекрати немедленно!

Барбос замер, повернул к Лие головы.

– Он прочитал твоё имя слева направо, и получилось, что чёрная голова – первый слог, а белая – второй? – спросила она.

Головы рыкнули. Одна возмущённо, другая удовлетворённо.

– Повернись ко мне спиной! – приказала Лия.

Барбос нехотя развернулся.

– А теперь, глядя сзади, получается, что белая голова Бар, а чёрная – Бос, – подвела итог Лия.

Рычание голов стало недоумённым. Затем белая голова радостно взвизгнула и лизнула чёрную в нос. Чёрная голова недовольно заворчала, но тоже лизнула белую.

– Меньше слушай всяких пришлых! – посоветовала Лия.

Две пары собачьих глаз посмотрели на меня, и Барбос негодуя рыкнул обеими глотками. Затем подошёл ближе, развернулся, задними лапами побросал в меня комья земли и с чувством полного презрения к моей персоне потрусил своей дорогой.

– Получил, женишок? – язвительно заметила Лия. – В следующий раз наука будет.

– Что ты, Лиечка, я не хотел ничего плохого! – соврал я и соорудил искреннюю мину.

– Так я тебе и поверила! – фыркнула она. – Эксперименты проводишь. И кто только догадался пригласить на праздник уфолога?

То, что она знала о моей профессии, кое о чём говорило, но я не стал интересоваться, откуда ей это известно, предчувствуя, что ответа не получу. Наоборот, решил подыграть и частично сознаться.

– Какой же это эксперимент? – недоумённо развёл руками. – Такой себе небольшой психологический тест...

– Будешь продолжать в том же духе, – предупредила Лия, – и на тебе психологический тест поставят. Сюда приезжают отдыхать, а не экспериментировать.

Обещание было твёрдым, и я в него поверил. Но ломиться напролом, выпрашивая, кто и зачем будет проводить на мне эксперименты, не стал. Интуиция подсказывала, что прямыми вопросами ничего не добиться.

– Уже, – сказал я.

– Что – уже? – не поняла Лия.

– На мне уже провели психологический тест, – повёл я головой в сторону беседки, где Дормидонт Александрович с Александрой Дормидонтовной продолжали гонять чай.

Лия саркастически скривила губы.

– Разве это психологический тест? Это даже не цветочки, после которых ягодки, – вкрадчиво заверила она, и её многообещающий тон мне категорически не понравился.

– Больше не буду, – клятвенно соврал я и перевёл разговор на другую тему: – Лиечка, а это правда, что здесь собираются размещать аттракционы?

Лия посмотрела на меня внимательным взглядом. Большие зелёные глаза потемнели, и мне показалось, что она не только видит меня насквозь, но и читает мысли. Как назло, в этот момент подумалось, какого вкуса у неё окажутся губы, если я её поцелую? Ничего глупее в голову прийти не могло, и если бы я умел краснеть, то непременно стал бы пунцовым.

– Аттракционы... – загадочно усмехнулась Лия и отвела взгляд. – По-моему, тебя сейчас вовсе не аттракционы интересуют...

Покраснеть я не покраснел, но по спине пробежал холодок. Неужели на самом деле умеет читать мысли?!

– Будет тебе сейчас аттракцион, – неожиданно пообещала она и кивнула в сторону косогора.

Я обернулся. Худой как жердь старик и пухлый мальчишка взобрались на косогор и теперь стояли на том самом месте, с которого вчера тракторист Василий Пятое Колесо К Телеге свалил с прицепа макет летающей тарелки. Мальчишка поддерживал велосипед, а старик пытался взгромоздиться на седло. Издалека они были чем-то похожи на старика Хоттабыча и Вольку. Или на Дон Кихота и Санчо Пансу в современной одежде. Только вместо Росинанта верный оруженосец помогал Рыцарю печального образа взобраться на велосипед с крыльями. Старик и так и сяк пытался пристроить длинные ноги на педалях, но колени постоянно упирались в крылья, и у него ничего не получалось. Тогда он вытянул ноги вперёд и рукой отстранил верного оруженосца.

– И-эх, сейчас полечу!!! – восторженно крикнул худосочный дедуган.

– Без дрынобулы... – начал было верный-неверный оруженосец, но дед уже покатился вниз, и предостережение заглушил залихватский крик:

– И-и-эх!!!

Подпрыгивая на кочках, велосипед катился под гору всё быстрее, обтянутые вощёной папиросной бумагой крылья начали трепетать... Вдруг велосипед вместе со стариком оторвался от земли и полетел. Но летел недолго. Достигнув подножья косогора, велосипед клюнул носом в землю, ломая крылья, перевернулся, и старик кубарем покатился по траве.

– Разбился! – ахнул я, вскакивая с завалинки.

– Да что ему будет, – хладнокровно заметила Лия, – в первый раз, что ли?

Я ошарашенно посмотрел на неё и снова перевёл взгляд на косогор. Пока мальчишка стремглав спускался по косогору, старик вскочил на ноги и, потрясая отвалившимся велосипедным рулём, заорал:

– Я летел! Ты видел, как я летел?! Все видели?!!

Он повернулся к нам.

– На кочке подбросило... – пробормотал я.

– Ты в этом уверен? – насмешливо спросила Лия.

Я покосился на неё и снова перевёл взгляд на торжествующего деда. А чем ещё можно было объяснить полёт деда на велосипеде с крыльями, кроме как прыжком с естественного трамплина? В то же время, положив руку на сердце, я не мог поклясться, что было именно так. Всякого успел насмотреться в Бубякине.

Мальчишка добежал до места крушения и стал собирать с травы обломки крыльев.

– Такой экспонат угробил... – плаксивым басом заныл он. – Говорил же, не стоит пытаться без дрынобулы...

– При чём тут дрынобула?! – визгливо возмутился старик. – Ты видел, как я летел! Парил!!!

– Аки орёл... – насмешливо заметил я и, повернувшись к Лие, спросил: – А что такое дрынобула?

Лия досадливо поморщилась.

– С подобными вопросами к девушкам не обращаются.

Я икнул и прикусил язык. Ни черта себе ответ! Что же это может быть такое, которое продаётся на барахолке, способствует полёту чего угодно и в то же время смущает девушек?

– Извини, не знал... – растерянно пробормотал я, опуская глаза.

Тонкие длинные пальцы необычных рук девушки держались за штатетник, и мне захотелось коснуться их.

– Извини, – снова попросил я прощения и положил свою ладонь на её руку.

Разряд ударил в ладонь, и она прикипела к кисти девушки. Лия выдернула руку и отпрянула от меня. Широко распахнутые глаза стали похожи на обычные человеческие, а не змеиные, лицо посерело.

– Больше... не делай... так... – дрожащим голосом попросила Лия, и в том, как она это сказала, чувствовалась обида. Чуть ли не слёзная. Она прикрыла руку, к которой я прикоснулся, другой ладонью, развернулась и поспешно скрылась в гостинице.

Я не нашёлся, что сказать, и только стоял и смотрел ей вслед. На её руке остался красный след от моих пальцев.

М-да... В нашей картотеке собраны многочисленные достоверные факты необычных способностей людей. Были данные и о людях, обладающих естественным электрическим потенциалом. Так, например, у двенадцатилетней китайки Най Ли электрический потенциал достигал восьмидесяти вольт. Однако тот разряд, который проскочил между нашими ладонями, мало походил на электрический. И шок, который я испытал, не соответствовал поражению электрическим током. Не было помутнения рассудка, заторможенности мышления, а было странное неясное ощущение, будто я что-то потерял. Либо наоборот – приобрёл неизвестно что. Непонятная потеря-приобретение бредила душу, вызывала внутренний дискомфорт, отчего хотелось, чтобы лучше я это непонятно что потерял, чем приобрёл...

Машинально подняв руку, я посмотрел на ладонь. Её покрывал странный зеленоватый налёт. Я достал платок, потёр ладонь, но зеленоватый налёт не исчез – вдавываясь в кожу, он напоминал загар. Странный загар, будто я ожёгся о кожу Лии, как она обожглась о мою ладонь.

Глава четвёртая

Делать было абсолютно нечего, и я решил прогуляться по деревне. Коттеджей оказалось не десять, как я навскидку посчитал вчера с косогора, а восемь, и они походили друг на друга, как близнецы. Этакie типовые домики индивидуальной застройки по высшему разряду. Их единообразие настойчиво возвращало к предположению, что посёлок представляет собой лечебно-профилактический комплекс для привилегированных особ, но в эту версию никак не вписывались огородники и домовики.

Язык не поворачивался назвать улицей широкое пространство между коттеджами, поросшее густой мелкой травой. Разве что газоном, по которому приятно пробежаться босиком. Я неторопливо шагал по мягкой траве вдоль фешенебельных коттеджей с одинаковыми фасадами, одинаковыми, вышитыми красными петухами, занавесками на окнах, одинаковыми крылечками, одинаковыми столами под открытым небом в палисадниках, огороженных одинаковыми штaketниками. Даже осенние цветы в палисадниках были одинаковыми. Астры, хризантемы... В противовес розам в палисаднике у гостиницы. Со слов Кузьминичны выходило, что у каждого коттеджа и приусадебного участка свой домовик и огородник, почему тогда такое однообразие?

Ни на улице, ни возле домов, ни в окнах коттеджей по-прежнему никого из жителей деревни видно не было. Чем они тут занимаются? Неужели все поголовно, как Василий-тракторист, отдыхают «с устатку»?

Улица-газон тянулась до самого леса, и за крайним коттеджем слева я увидел невзрачное строение, которое поначалу принял за старый заброшенный сарай. Замшелый древний сруб врос в землю между громадной осиной и елью, накрывавшей разлапистыми ветками часть крыши. Приоткрытая скособоченная дверь, висевшая на одной петле, была похожа на скорбный зев, маленькие, как бойницы, окошки уныло смотрели на густую поросль крапивы. Если есть окна, значит, не сарай. Изба. Старая, очень старая, чуть ли не девятнадцатого века. Пустота и запустение вокруг древнего сруба настолько дисгармонировали с видом деревни, что я невольно оглянулся на коттеджи. Н-да, девятнадцатый век никак не совмещался с двадцатым первым. Даже на задворках современной деревни.

Я хотел развернуться и уйти, как вдруг краем глаза уловил у избы какое-то движение. Аккуратно раздвигая локтями крапиву, чтобы не ожечься сквозь рукава куртки, я прошёл к избе и увидел сидевшего на чурбаке у стены человека в каких-то отрепьях. Он сидел боком ко мне и был настолько стар, что по серому морщинистому лицу с большим крючковатым носом невозможно было определить, какого он пола. В мочке уха висела громадная латунная серьга, серые космы выбивались из-под повязанного на голове бантиком вперёд чёрного платка. То ли вышедший на пенсию пират в бандане задом наперёд, то ли молодящаяся старуха. Либо наш обычный российский бомж. На колоде перед ним стоял кузовок с мухоморами, узловатыми пальцами бомж извлекал по одному грибу, разламывал на кусочки и скармливал их странной, с блестящей серо-зелёной кожей, зверушке, сидевшей на его плече. Вначале я не понял, что это за зверушка, настолько несуразно она выглядела, но когда присмотрелся, ахнул. На плече у бомжа сидел небольшой, с кошку, птеродактиль. Когтистыми пальцами на сгибах крыльев птеродактиль брал кусочки мухомора, подносил к глазам, внимательно рассматривал, затем отправлял в зубастую пасть и с аппетитом жевал. Острые зубы в длинной пасти-клюве были неровными, торчали в разные стороны, и мелкие кусочки мухомора просыпались на землю.

– Кушай, Кеша, мухомор, – проскрипел бесполым старческим голосом старик-старуха, – молочка-то нет...

– Здравсте... – ошарашенно промямлил я. Обещанная Карлой «масса незабываемых впечатлений» начинала сбываться. Раньше времени.

Старик-старуха повернул голову, подслеповато посмотрел на меня мутными глазами.

– Здоров будь и ты, мил человек, Сергей свет Владимирович, – сказал он и протянул мне большой мухомор. – Угощайся. Чем, батенька, богаты...

– Спасибо, мухоморы не ем, – содрогнулся я, отнюдь не удивившись, что бомж меня знает. В деревне слухи о пришлых разносятся мгновенно.

– Гляди-ко, мухоморов опасается, – сказал старик-старуха птеродактилю, – а тебя не испужался.

– В общем-то, он мужик ничего, – соглашаясь, прошамкал набитой мухомором пастью птеродактиль. – Быстро адаптируется. Будет толк, если умом не тронется.

Когда птеродактиль заговорил, мне показалось, что умом я уже тронулся. А если ещё не успел, то это ненадолго.

– Простите... – пролепетал я, совсем сбитый с толку, и спросил первое, что, по-глупому, пришло на ум: – Вас Кешей зовут?

Птеродактиль с усилием, дёрнув шеей, как утка, проглотил крошево мухомора, и скосил на меня чёрные глаза.

– Для кого Кеша, а для всяких пришлых – птеродактиль Ксенофонт, – спесиво представился он. – Древнегреческий знаешь?

Я неопределённо повёл плечами.

– В пределах терминологии...

– Тогда должен понимать! – многозначительно заметил птеродактиль Ксенофонт и отправил в пасть очередной кусок мухомора.

И латынь, и греческий я знал в общих чертах на уровне первокурсника биологического факультета, поэтому перевод словосочетания «птеродактиль Ксенофонт» получилось весьма корявым. «Палекрылый чужой источник». Или «иной фонд»? Фонд чего, спрашивается?

Спросить я не отважился, да и у кого спрашивать – у птеродактиля с мозгом меньше, чем у курицы?

Птеродактиль Ксенофонт придирчиво окинул меня взглядом и пренебрежительно прищурился. Нижними веками, как Лия.

– Не дошло, – определил он. – Я – последний из палекрылых. В каждой клеточке моего тела заключена информация о моём роде.

– Генофонд? – догадался я.

Птеродактиль едва не подавился мухомором от возмущения. С натугой проглотил и замотал головой.

– Темнота! – возмутился он. – Тебе же сказали: Ксенофонт!

– Понятно... – закивал я и постарался изобразить на лице полное понимание, как Дормидонт с Дормидонтовной. В широком смысле «ксено-» могло включать и понятие о геноме, и тогда всё становилось бы на свои места, если бы мне не был известен древнегреческий философ с таким именем.

– Вот и ладненько... – заметил птеродактиль с именем древнегреческого перипатетика и повернул голову к бомжу. – Эй, дед, что ты мне всё ножки мухомора подсовываешь? Шляпок хочу, покраснее и попятнистее!

Всё-таки дед, удовлетворённо отметил я про себя. По большому счёту, мне было всё равно, бабка бомж или дед, главное – определился.

– На те шляпку, – дед послушно протянул птеродактилю ярко-красную пятнистую шляпку мухомора и снова посмотрел на меня. – Если мухоморов не хочешь, чего тогда надо?

Я растерялся.

– Да так... Просто подошёл... Познакомиться...

– Сфотографировать он нас хочет! – заявил птеродактиль Ксенофонт.

– Да, если можно... – не преминул я ухватиться за подсказку. Нельзя упускать такой случай.

– Хватаграфиловать? – поморщился дед. – Зачем?

– Он же уфолог, забыл, склеротик? – возмутился птеродактиль. – Диссертацию потом о нас защищать будет! Такого понапишет, под такие обоснования подведёт – век не отмоешься!

Дед подумал, махнул рукой:

– Пушай клеветет! Впервой, что ли?

– Так можно? – нерешительно поинтересовался я, берясь за фотоаппарат.

– Валяй, – проскрипел дед.

– Погоди, погоди! – встрепенулся птеродактиль Ксенофонт. – Дай-ка фотогеничность наведу.

Он замотал головой, отряхивая с пасти крошки мухомора, и развернулся на плече деда, чтобы быть к объективу анфас:

– Теперь можно.

Я навёл на странную парочку видеоискатель.

– Ракурс слева! – прокомментировал птеродактиль, повернул голову направо, слегка растопырил крылья и приоткрыл пасть. – Улыбочка...

Как только я нажал на кнопку, он тремя пальцами на сгибе левого крыла скрутил кукиш.

– Ракурс справа! – продолжил командовать птеродактиль, повернул голову налево и опять во время съёмки скрутил кукиш, но теперь пальцами правого крыла.

– Анфас! – провозгласил он следующую экспозицию, раскинул крылья, распахнул пасть во всю ширь и во время съёмки скрутил сразу два кукиша.

Пальцев на крыльях у него имелось всего по три, но они были длинными, когтистыми, и кукиши получались отменными.

– На этом всё, папарацци ты наш! – подвёл итог фотосессии птеродактиль Ксенофонт. – Как тебе моя белозубая улыбка?

Он явно издевался надо мной, и я не захотел оставаться в долгу.

– Оскал, то есть? – любезно поправил я. – Кондрашка хватит, если приснится. – И порекомендовал: – Обратись к дантисту, чтобы скобки на зубы поставил.

– Много ты понимаешь! – раздражённо возразил птеродактиль Ксенофонт. – У последнего представителя рода пальцекрылых всё должно быть естественным!

– Просто ты дантистов боишься, – резонно заметил дед-бомж.

– Что значит боюсь?! – взъерепенился птеродактиль Ксенофонт. – Я тебе не фотомодель и не позволю себя уродовать! С лица воду не пить!

«Так то с лица, а тут с морды...» – подумал я, но благоразумно решил не озвучивать.

– А если не модель, тогда чего перед фотокамерой выпендриваешься? – спросил дед.

– Как это – чего?! Вот помру завтра, кто вспомнит, как пальцекрылые выглядели?

– Меньше мухоморов лопай, дольше проживёшь.

– Мухоморов пожалел, да? Обьедаю тебя? – обиделся птеродактиль Ксенофонт. – Нашёл нахлебника... Попрекаешь... Злой ты, уйду я от тебя...

Чтобы меня не втянули в перепалку, я тактично опустил глаза и проверил, как получились снимки. Снимки вышли качественными, но кто поверит в подлинность фотографий, когда птеродактиль на них крутит кукиши? Дурдом полный...

– Ладно тебе, не обижайся, – пошёл на мировую дед. – На-ка, возьми шляпку мухомора, покушай. Красненькая, аппетитная, сама в рот просится!

Птеродактиль Ксенофонт рассерженно вырвал мухомор из руки деда-бомжа, запихнул в пасть и принялся сосредоточенно жевать. По тому, как калейдоскопически менялось настроение птеродактиля, я начал подозревать, что не всё так просто с мухоморами.

– Угощайся и ты.

Дед снова протянул мне мухомор.

– Спасибо, я недавно завтракал, – корректно отказался я.

– Тогда чего ты хочешь?

Дед исподлобья посмотрел на меня подслеповатыми глазами.

Оп-па, опаньки! Приехали! Вопросы начались по второму кругу. Маразм в деревне Бубякино не просто крепчал, штормил.

– Пятую ногу у Барбоса увидеть хочет! – подсказал птеродактиль Ксенофонт.

Бомж заперхал, захихикал, и птеродактиль затрясся на плече, роняя из пасти крошки мухомора.

– Ну ты, полегче! – возопил последний пальцекрылый. – Кайф не ломай!

– Он что хочет увидеть, – продолжая вздрагивать от смеха, спросил дед, – кончик или по самый локоть?

Давясь мухомором, загоготал непонятно чему и птеродактиль Ксенофонт.

– По... по... колено... – поправил он, и теперь они вместе дружно зареготали.

– Эт... эт, мил человек... – смахивая слезу, выдавил из себя дед-бомж, – ты не к нам... к Барбосу обращайся... Он тебе покажет... Пятую ногу... Может, и во всю длину...

– Но смотреть не советую! – предупредил птеродактиль Ксенофонт.

Я промолчал. Кузьминична предупреждала о том же.

– А ещё чего ты хочешь? – отсмеявшись, снова спросил меня дед.

– Ещё хочет узнать, что такое дрынобула, – сообщил птеродактиль Ксенофонт, не дав мне и рта открыть.

«Вещая птица, однако, этот птеродактиль, – только и подумал я. – Если, конечно, птеродактиля можно назвать птицей».

– Чавой? – недопонял бомж и приложил ладонь к уху. Старый дед, не только подслеповатый, но и глуховатый.

– Дрынобулой, говорю, интересуется! – гаркнул ему в ухо птеродактиль.

– А... – разочарованно протянул дед. – Я-то думал, его дрынобула интересует...

– Нет! – снова гаркнул птеродактиль Ксенофонт. – Его интересует исключительно дрынобула!

По спине пробежал холодок, и я во все глаза уставился на птеродактиля. Глухота деда была более-менее объяснима, но птеродактиль в честь чего вдруг стал тугим на ухо? Мухоморов объелся или опять выпендривается?

– Жаль, что не дрынобула, – сокрушённо покачал головой дед и с сожалением посмотрел на меня. – Я бы многое мог о дрынобуле рассказать... Дрынобула – это да! Это вещь. Всем вещам вещь. Без неё никуда. Правильно я говорю? – обратился он к птеродактилю.

– Эт точно, – согласился птеродактиль Ксенофонт. – Куда ж без неё? Без дрынобулы и человек не человек, и аппарат не аппарат.

От их идиотского диалога, полунамёков и недосказанности у меня начала тихонько кружиться голова. Причём как-то странно: сама голова, то есть череп, вроде бы оставался на месте, зато мозги в черепной коробке начали колебаться вокруг вертикальной оси туда-сюда.

Пользуясь моментом, пока они беседовали друг с другом и не обращали на меня внимания, я начал тихонько отступать. Но не тут-то было.

– Ты куда?! – дурным голосом возопил птеродактиль Ксенофонт, заметив мой манёвр. – Якшаться с нами не желаешь?! Интеллигента из себя корчишь?! Укушу!!!

Он распахнул зубатую пасть во всю ширь и безумными глазами уставился на меня.

Я замер на месте.

– Да я так... Никуда не...

Дед достал из кузовка громадный мухомор, размял его в руке и залепил крошечком пасть птеродактиля.

– Помолчи, наркоман хренов, – урезонил он птеродактиля и посмотрел на меня. – Вот так с ним всегда. Нажрётся мухоморов, а потом рвётся всех кусать. Не пойму, как ему до сих пор зубы не повыбивали?

Птеродактиль возмущённо промычал набитой пастью, я тактично промолчал.

– Итак, чего ты ещё хочешь? – опять спросил бомж.

Он с прищуром смотрел на меня, и взгляд у него уже был не подслеповатый, как вначале, а острый и пронизательный. Определённо, и со слухом у него всё в порядке.

Вещий птеродактиль хотел сообщить очередное моё желание, но из набитой мухомором пасти выдавилось лишь невразумительное мычание.

– Больше ничего... – промямлил я и снова принялся пятиться. – Извините, мне пора... Дела ждут...

– Пора, так пора, – пожал плечами дед. – Дела, так дела.

Птеродактиль Ксенофонт возмущённо захрипел, судорожно забил крыльями, замотал головой, разбрасывая из пасти крошево мухомора.

– До свиданья... – выдохнул я, пятясь всё быстрее.

– Бывай... Ежели мухоморчиков захочешь, заходи. Для дорогого гостя гостинчик всегда найдётся.

Бомж отвернулся, и я стремглав выскочил сквозь крапиву на улицу. Крапива за мной вновь сомкнулась, скрыв с глаз одиозную парочку, и я перевёл дух.

– Ты чего это... – сипло заперхал из-за крапивных зарослей птеродактиль Ксенофонт, откашливаясь крошкой мухомора, – ты чего это мои мухоморы всяким пришлым предлагаешь?!

«Чревовещание...» – ухватился я за первое пришедшее в голову объяснение. Логика в объяснении было с соломинку, но должен же утопающий за что-то хвататься? Видел на эстраде всяких чревовещателей, но птеродактиль Ксенофонт давал сто очков вперёд любой кукле. Как настоящий...

А затем мне стало не до чревовещателей и их кукол – пробираясь сквозь заросли, я напрочь забыл, что они крапивные, сильно ожёг кисти рук, и боль настигла меня, как это всегда бывает, с некоторым опозданием. Я запрыгал на месте, затряс руками. Кисти рук на глазах начали багроветь, покрываясь волдырями, но боль постепенно стала утихать, сменяясь нестерпимым зудом.

– Пописа́й на руки, легче будет, – посоветовал чей-то унылый голос.

Я ошарашенно огляделся, но улица по-прежнему была пустынной. Ничего вокруг не изменилось: всё тот же ковровый газон под ногами, те же привилегированные коттеджи, те же палисадники за штaketниками...

У ближайшего коттеджа на штaketнике сидела забытая кем-то кукла из голубой мутно-прозрачной пластмассы. Кукла была похожа на малайского долгопята-привидение: грустная мордочка, громадные янтарные глаза, застывшие в вечном удивлении, длинные суставчатые пальцы, крепко охватившие штaketину. Кукла была сделана мастерски, и если бы не странная голубая полупрозрачная пластмасса, из которой отлили тельце, её можно было принять за живую зверушку.

«Ещё одна...» – индифферентно подумал я и шагнул к кукле, растирая зудящие от крапивы руки.

– Это ты со мной разговаривала? – напрямую спросил я.

Кукла приоткрыла скорбный рот и грустно призналась:

– Я.

Я ничуть не удивился. Устал удивляться. Куклой больше, куклой меньше... И кто у этой куклы чревовещатель, меня не интересовало. Деревня сплошных циркачей и кукловодов. И Наполеонов Бонапартов. Последних, правда, я пока не встретил, но завтра обещали познако-

мать с пришельцами. И в этом шеф оказался прав, будто предрёк, – не только птеродактили могут быть вещими.

– Ты случайно, не домовик? – на всякий случай поинтересовался я.

– Разве я похожа? – обиделась кукла. Говорила она с натугой, растягивая слова, словно ей было лень. Долгопяты, как и лемуры, и ленивцы, ночные животные, всё делают обстоятельно, неторопливо, и кукла их старательно имитировала.

– Откуда мне знать? – пожал я плечами. – Домовика в глаза не видел.

Кукла подумала, замедленно моргнула.

– Зачем тогда сравниваешь? – протянула она.

– Я не сравниваю, а спрашиваю. А спрашиваю потому, что не видел.

Кукла снова подумала и изрекла:

– Мудрёно что-то...

– Неужели мудрёнее сентенций птеродактиля Ксенофонта? – буркнул я.

– Ксенофонт и Хробак на тебе психологический тест отрабатывали, – грустно вздохнула кукла.

– Ах, вот даже как? – поёжился я. Не ожидал, что обещанные Лией «ягодки» будут именно такими. Или это только «цветочки»?

– Значит, старика с птеродактилем Хробаком зовут? – уточнил я.

– Да.

– А кто он?

– Кто? – бесцветно переспросила кукла.

– Хробак. Леший, что ли?

Кукла подумала.

– Какой ещё леший? Он – Хробак.

Ответ, как всегда, был впечатляющ. С маразматиками в деревне я уже познакомился, теперь, похоже, настала очередь тугодума. Одно другого не лучше.

– Хробак, так Хробак, – согласился я. – А тебя как зовут?

Кукла вновь задумалась.

– Ля-Ля, – наконец горестно произнесла она и продолжила: – Ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля...

Я послушал-послушал, затем, стараясь говорить вежливо, перебил:

– Тебя не заклинило?

– Что значит «заклинило»?

– Запнулась на одном слоге, как заезженная граммофонная пластинка.

Кукла вздохнула, замедленно помигала и обидчиво сказала:

– Я своё имя говорила...

– А покороче можно?

– Как это?

Кукла оказалась не просто тугодумом, а тормозом. Ещё тем тормозом.

– Василия-тракториста знаешь? – начал я издалека.

– Знаю.

– Так вот, сокращённое имя Василия – Вася. Понятно?

Голубое подобие малайского долгопята-привидения горестно покачало головой:

– Я и говорила своё сокращённое имя. Всего сто восемьдесят шесть слогов.

Я икнул. Сказать, что кукла «Ля-ля-ля и так далее» меня сразила, не то слово. Похоже, она выпендривалась, как птеродактиль Ксенофонт.

– Это что – очередной психологический тест? – натянуто поинтересовался я.

– Это моё краткое имя, – скорбно поправила кукла. – В полном титулярном имени восемь тысяч шестнадцать слогов.

Я не стал уточнять, что такое «титulyрное имя», и без этого от бубякинских баек голова трещала. Что им, долгопятам, лемурам и ленивцам, часов пять имя произносить, когда время тягучее и медленное? Спросил по-другому:

– Тебя здесь все по полчаса окликают или как-нибудь по-иному зовут?

Кукла снова подумала и медленно протянула:

– Нет, не все. Лиайя зовёт Ля-Ля.

– И я тебя буду Лялей звать, – заявил я.

– Не Лялей, а Ля-Ля, – уныло поправила кукла.

– Хорошо, Ля-Ля, – не стал я возражать.

Зверушка смотрела на меня скорбно-удивлёнными выпученными глазами, изредка полусонно моргала. Когда она говорила, маленький ротик открывался, но, сколько я ни приглядывался, так и не заметил, чтобы она дышала. И сквозь мутно-прозрачное тельце не было видно никаких внутренних органов. Определённо пластмасса.

Не спрашивая разрешения, я пару раз щёлкнул фотоаппаратом, а затем на всякий случай спросил:

– А ты не пришелец?

В этот раз Ля-Ля задумалась надолго. Застыла, как истукан, вцепившись в доску длинными, тонкими, с узловатыми суставами пальцами, и если бы не моргала, то я бы решил, что заснула.

– Тебе правду сказать, – наконец грустно протянула она, – или обмануть?

– Правду.

– Живу я здесь, – поведала она и добавила: – Временно.

Я вскипел, но сдержался. И эта издевается!

– Ну, если ты здесь живёшь, – процедил я, – тогда объясни, что такое дрынобула?

Зверушка вздрогнула, выпрямилась, и её скорбно поджатый ротик неожиданно растянулся в некоем подобии блаженной улыбки.

– О, дрынобула... – томно протянула она, оранжевые глаза закатились под лоб, тонкие пальцы разжались, и Ля-Ля, опрокинувшись на спину, свалилась со штaketника в кусты хризантем.

Я оторопел.

– Не ушиблась? – обеспокоенно спросил я.

Из кустов не доносилось ни звука. Что возьмёшь с кукольного подобия малайского долгопята-привидения? Пока развернётся, пока поднимется, пока поймёт, что случилось, пока рот откроет...

Я выждал пару минут и снова позвал:

– Ля-Ля, как ты там? Жива?

Ответом была всё та же тишина. Тогда я перегнулся через штaketник, раздвинул кусты, поискал на земле голубую зверушку, но нигде её не обнаружил. Испарилась, как настоящее привидение. Не зря её малайцы так называют.

Из палисадника соседнего коттеджа донёсся приглушенный металлический скрежет и чей-то приглушенный говор. Наконец-то хоть в каком-то доме хозяева объявились. Будет у кого разузнать, что за зверь такой сидел на штaketнике.

Я прекратил поиски, разогнулся и направился к соседнему коттеджу. Однако когда подошёл ближе и увидел хозяев, не то, что спрашивать, разговаривать с ними расхотелось.

На крыльце, разложив изуродованные части велосипеда, орудовал гаечным ключом пухлый мальчишка в тюбетейке, а за столом сидел сухопарый старик с жиденькой длинной бородой и старательно оклеивал вошёной бумагой каркас крыльев.

– Надо киноварью магические надписи делать, – бурчал старик. – Говорят, тогда заговор крепче получается... И крылья повыше прикрепить, чтобы колени не цеплялись...

– ...А без дрынобулы всё равно не полетит, – ворчал мальчишка.

Байками о загадочной дрынобуле я был сыт по горло и интересоваться у горе-воздухоплателей её тайной не собирался.

– Добрый день, – кивнул я и постарался побыстрее проскочить мимо, но не тут-то было.

– Добрый, – согласился старик.

– Здравствуйте, – обернулся ко мне мальчишка.

Оба внимательно посмотрели на меня, не сговариваясь, переглянулись, и я понял, что пришло им в головы.

– Молодой человек! – окликнул меня старик. – Сергей Владимирович!

Волей-неволей пришлось остановиться. Деваться было некуда. Что ж, чему быть, того не миновать.

– Я вас слушаю.

– А скажите, Сергей Владимирович, не ваш ли внедорожник стоит за гостиницей?

– Мой, – безнадежно махнул я рукой. – Э-э...

– Дитяткин, – представился сухопарый старик, но при этом почему-то указал пальцем на пухлого мальчишку.

– Кудесников, – в свою очередь представился мальчишка и кивнул в сторону старика.

Дед для Дитяткина был староват, а мальчишка для Кудесникова слишком зелен. Я перевёл взгляд с одного на другого и на всякий случай решил не уточнять, кто из них кто. Мало ли какие фамилии встречаются? Если конечно, это фамилии, а не прозвища. Наслышан, что с душевнобольными следует вести себя предельно вежливо.

– Говори, дед, – пробасил мальчишка.

– Не можете ли вы, Сергей Владимирович, оказать нам весьма незначительную услугу?

– Разве что незначительную, – осторожно согласился я, зная наперёд, о чём они будут просить.

– Весьма, весьма... – заулыбался старик Дитяткин.

– Нам бы в Мщеры съездить, – включился в разговор юный Кудесников. – Не могли бы вы нас подбросить?

– Вы находите, что эта услуга весьма незначительная? – аккуратно поинтересовался я. От Бубякина до Мщер по прямой было пятнадцать километров. Но это по прямой, через лес и болота, а по разбитой лесной дороге – все пятьдесят. Учитывая скорость, которую можно позволить на дороге, изобилующей выбоинами и рытвинами, – пару часов утомительной езды в оба конца. Как минимум.

– А то! – экспрессивно заявил старик Дитяткин, будто у меня был не внедорожник, а вертолёт. – Раз – туда, два – обратно! И всех делов!

– Нам на барахолку надо, – уточнил басом молодой Кудесников.

– А к Василию обращаться не пробовали? – попытался я увильнуть.

– Если бы нам надо было деревья в лесу сшибать, – заявил Дитяткин, – обязательно бы обратились!

– Он же лыка не вяжет, – резонно пояснил Кудесников.

Со слов Кузьминичны Василий и в трезвом состоянии лыка вязать не умел. Правда, я его трезвым никогда не видел, и вряд ли доведётся.

– Уговорили, – перестал я сопротивляться. Весомых аргументов отказать у меня не было. С самого начала знал, что так и получится. «Нет худа без добра, – попытался себя утешить. – По крайней мере, воочию увижу, что собой представляет дрынобула».

– Вот и хорошо! Вот и ладненько! – потирая руки, вскочил из-за стола Дитяткин и поспешил к калитке. Кудесников отложил гаечный ключ, обстоятельно вытер замасленные руки ветошью и степенно последовал за ним.

– Идёмте, идёмте, – на ходу поторопил старик, семена к гостинице. – Мы вас надолго не задержим. Раз – туда, и два – обратно!

Я вздохнул и зашагал следом. Мне бы его оптимизм...

Мальчишка шёл сзади, и у меня создалось впечатление, что иду под конвоем. Руки зачесались, так захотелось гаркнуть, что сыт по горло бубякинским дурдомом и никуда никого не повезу, но я пересилил себя, не стал орать, а лишь почесал руки. Чесались они не только от желания послать всё и вся к чёрту.

– Это у вас от крапивы? – участливо поинтересовался молодой Кудесников.

– Да, – буркнул я.

– Пописать надо было, – резонно резюмировал он.

Я глянул на него исподлобья и отрезал:

– Утром писал.

Мальчишка помолчал, подумал. Наконец понял.

– Я имел в виду на руки, – сказал он. – Не пробовали?

Всё-таки Кудесников оказался не законченным шизофреником, и проблески разума у него случались. Но я упрямо продолжал гнуть свою линию:

– Не только не пробовал, но и в мыслях не было употреблять эту гадость!

В этот раз каламбур получился не ахти какой, и мальчишка обиделся.

– Надо наружно, а не вовнутрь, – пробасил он. – Напрасно вы пренебрегаете народными средствами. Уринотерапией пользовались в глубокой древности и считали её весьма эффективной.

Мы подошли к беседке у гостиницы, где дед Дормидонт с бабой Дормидонтовной продолжали вечное чаепитие. Однако, вопреки обыкновению, чаёвничать нас никто зазывать не стал. Был у деда с бабой гость. Дормидонт с Дормидонтовной сидели как истуканы, надув щёки, будто воды в рот набрав, а между ними, переставив граммофон на край скамейки, по-хозяйски устроился Василий-тракторист. На столе стояли пустые чашки, Василий блаженно улыбался и с чувством занюхивал баранкой. Определённо, не чай они пили. По крайней мере, Василий. И приглашать лишние рты на дармовщину он не собирался.

Когда мы завернули за угол гостиницы, я увидел, что моделей аппаратов пришельцев прибавилось – не уместаясь на асфальтированной площадке, многие стояли на газонах. Странно, в общем-то, такая масса аппаратов подразумевала большое количество гостей, но я, кроме Карлы и Лии, иных пришлых в деревне пока не видел.

К моему превеликому удовольствию, моделей не только прибавилось, но их понаставили настолько плотно, что они напрочь закрывали выезд «хаммера». Не придётся мне два часа трястись по просёлочной дороге. Однако горе-воздухоплателей это ничуть не смутило. Ловко лавируя между аппаратами, они пробрались к «хаммеру», открыли дверцу и залезли на заднее сиденье.

Я подошёл к машине, нагнулся к окошку и поинтересовался:

– И что дальше?

– Как что? – изумился старик Дитятыкин. – Поехали!

– Куда изволите? – не меняя корректного тона, я повёл рукой вокруг.

– Как куда? – ещё больше изумился Дитятыкин и указал пальцем вверх: – Туда!

– Гм... – прокашлялся я. Совсем забыл, с кем имею дело. Однако сразу нашёлся: – В «Далёкий Космос» не получится. Мой «хаммер» не оборудован дрынобулой.

– Как это не оборудован?! – обескураженно переглянулись Дитятыкин с Кудесниковым.

– А вот так, – развёл я руками. – В глаза не видел вашей чёртовой дрынобулы и даже не знаю, что это такое!

– Вы не знаете, что такое дрынобула?! – ошеломлённо пробасил Кудесников.

– Понятия не имею!

Дитяткин с Кудесниковым снова переглянулись, лица у них окаменели, и они молча, не глядя на меня, выбрались из машины.

– Чёрт знает что! – возмутился старик Дитяткин, обращаясь к Кудесникову, словно меня рядом не было. – Каким образом этот Короп мог получить приглашение на праздник, если не в курсе, что такое дрынобула?

– Спроси чего-нибудь полегче, – расстроенным голосом пробасил мальчишка. – Он же уфолог...

– Да по мне хоть дерьмолог, но как можно не знать, что такое дрынобула?! Ума не приложу!

Скользнув по мне уничижительными взглядами, они начали пробираться сквозь гущу машин.

«М-да... – подумал я. – Похоже, не видать мне дрынобулы, как пятой ноги Бара и Боса...» Однако сожаления по этому поводу не испытал. И хрен с ней. Как с дрынобулой, так и с пятой собачьей ногой.

– И что нам теперь делать? – спросил старик мальчишку, огибая макет летающей тарелки. – Может, Карлу попросить, чтобы в Мщеры подбросил? У него допуск есть...

– Ага, так он тебя и подбросит... – унылым тоном отозвался мальчишка. – Размечтался...

Я поглядел им вслед и внезапно подумал, что мальчишка похож не только на Санчо Пансу и Вольку, но ещё и на Фому неверующего из детского стихотворения советского классика. Именно таким, пухлым, в тюбетейке, вечно недовольным нарисовал Фому неверующего в книге художник. Плохо быть начитанным в наше время – слишком много ассоциаций.

Несуразная парочка горе-воздухоплателей скрылась за углом гостиницы, и только тогда я удивился: каким образом им удалось забраться в машину? Вроде бы вчера закрывал дверцы на ключ и ставил «хаммер» на сигнализацию... Машинально я дернул дверцу за ручку и ещё больше изумился, обнаружив, что она заперта. Мало того, противно заныла сирена сигнализации. Оказывается, не один Карла здесь циркач.

Глава пятая

Когда я вышел из-за гостиницы, то увидел, что у столба с указателями звёзд стоит громадный фургон, а по дороге с косогора, переваливаясь на ухабах, неторопливо спускаются ещё два. Там, где дорога на косогоре уходила в лес, аэродинамической воронкой медленно вращались космы тумана, и из этой воронки, как из телепортационного створа, выползал четвёртый фургон. Фургоны были похожи друг на друга как близнецы: тёмно-синие, с нарисованной на бортах спиралевидной галактикой, окаймлённой снизу и сверху видимой издали надписью: «Галактические аттракционы». Естественно, какие ещё могут быть аттракционы на День Пришельца? Только такие.

Возле первого фургона уже сновали рабочие в темно-синих, под цвет фургонов, комбинезонах с эмблемами спиралевидной галактики на спинах. Будто мишенями. На площадку выехал второй фургон, за ним третий, затем прибыл четвёртый, и работа закипела. Одни рабочие выгружали составные части агрегатов, другие делали разметку на земле, третьи начинали собирать установки, четвёртые возводили по периметру лёгкую решётчатую ограду. На первый взгляд, действовали они вроде бы неспешно, но настолько слажено, что аттракционы вырастали на глазах.

Оставив чаепитие, из беседки, пошатываясь, вышел Василий, миновал калитку, остановился и окинул взглядом строительную площадку.

– Эй, помощь не нужна?! – воззвал он к рабочим.

Никто из рабочих на предложение не только не откликнулся, но и не глянул в его сторону, продолжая со знанием дела методично, не тратя лишних движений, монтировать аттракционы. Все молодые, в одинаковых фирменных робах, одинаковых синих кепи с длинными козырьками, они были чрезвычайно похожи друг на друга, как и фургоны. Давно заметил, что спецодежда нивелирует людей до такой степени, что невозможно отличить одного от другого. Все, как китайцы, становятся на одно лицо.

– Если надо, я трактор заведу... – безуспешно продолжал звать Василий.

Из гостиницы вышел Карла, косолапо просеменил к Василию и постучал тростью по его ноге.

– Что? – повернулся Василий.

– Не приставай к людям, – сказал Карла. – Им твоя помощь не нужна.

– Как это не нужна?! – возмутился Василий и, пошатнувшись, едва удержался на ногах. – Да я... Да я... Вот сейчас трактор заведу... И мы...

– Остынь! – визгливо прикрикнул Карла. – Не нужен им трактор и тракторист не нужен! Василий несказанно изумился, затем обиделся:

– Трактор всем нужен... Как в деревне без трактора? В деревне без трактора никуда...

Карла молчал. Василий вопросительно посмотрел на него, перевёл взгляд на рабочих, продолжающих разгружать фуры и собирать установки, и тяжело вздохнул.

– Ясно... – разочарованно выдохнул он. – Фирма веников не вяжет...

– ...И лаптей не плетёт, – добавил Карла.

Василий набычился и вперился в карлика тяжёлым взглядом:

– Да пошли вы все!..

– Но-но! – оборвал его Карла и предостерегающе взмахнул тростью.

Василий осёкся, так и не успев назвать адрес, куда всех посылает, посмотрел на трость, на Карлу и поник головой.

– Ладно... – пробормотал он. – Пойду спать... Никому я не нужен...

Он безнадежно махнул рукой и, шатаясь, направился к своему коттеджу.

Карла проводил его взглядом, обернулся, внимательно посмотрел на беседку, на меня.

– Где он так наклюкался? – раздумчиво спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Я кивнул в сторону беседки. Карла удивлённо вскинул брови, недоверчиво покрутил головой, но всё же прошёл сквозь калитку к беседке.

Я подошёл к завалинке и оперся руками о штакетник. Дормидонт с Дормидонтовной напоминали истуканов. Бледные, без улыбок, с остекленевшими глазами, надутыми щеками, они не только не двигались, но и, казалось, не дышали. Карла привстал на цыпочки, протянул коротенькие руки через перила беседки, тростью придвинул по столу чашку, взял её, понюхал и поморщился.

– Немедленно сплюнуть! – приказал он.

Дед с бабой ожили, дружно перегнулись через перила беседки и сплюнули в цветник. Лицам начал возвращаться румянец, глазам блеск.

– Поменять воду в самоваре! – снова приказал Карла.

Дед подхватился с места как молодой, схватил трёхведерный самовар и потащил в гостиницу. Бабка заулыбалась и пододвинула к карлику блюдце с вареньем.

– А вот вареньице малиновое к чаю, Карла Карлович... – принялась потчевать Дормидонтовна. – Вот баранки...

– Чай, говоришь, пьёте?! – зловеще прошипел карлик.

Бабка осеклась, стушевалась и растерянно развела руками:

– Это не мы, Карла Карлович... Разве мы себе такое бы позволили? Сами знаем, что с нами бывает... Это всё Василий... Управы на него нет, окаянного...

Я вспомнил, что в байке Кузьминичны приключилось с зелёненьким пришельцем-паршивцем, вспомнил второго красного петуха на полотенце, вспомнил, как заглохла музыка в беседке, когда Василий передразнил певца, и невольно поёжился. Только сейчас понял, насколько вовремя Карла оборвал пожелание Василия, не дав ему назвать адрес «посыла». И ещё стало ясно, почему милиционер дорожно-патрульной службы не придирался к пьяному Василию и отваживал от него посторонних подальше.

– Знаю, что Василий, – примирительно кивнул Карла Дормидонтовне и, вздохнув, отошёл от беседки. – Управы на него действительно нет...

– Всё-таки манекены? – натянуто поинтересовался я.

Карла повернулся, посмотрел на меня снизу вверх, сдвинул тростью шляпу на затылок и криво усмехнулся.

– Кажется, начинаете понимать... – заметил он.

– И эти тоже?

Я указал пальцем на рабочих фирмы «Галактических аттракционов».

– Фигурально выражаясь, – с улыбочкой ушёл он от прямого ответа. – Неужели вам доводилось видеть живые манекены? – Взгляд его скользнул по мне и остановился на моих руках. – Это что – крапива?

– Да, – буркнул я, машинально убирая руки со штакетника. – Но я не писал.

Брови Карлы недоумённо взлетели вверх.

– Вообще-то я не уролог, – насмешливо заметил он, – и дисфункции вашего мочевого пузыря меня не интересуют.

– Да нет... – смешался я. – Просто каждый, увидев мои руки, советует на них помочиться.

– Ах, народное средство... – понимающе покивал Карла, но в его глазах продолжали искриться смешинки. – И вы им не воспользовались? Напрасно. Вот вы, например, думаете, что когда у человека на глазу ячмень, показывать ему кукиш – предрассудок? Ничего подобного, это прекрасное народное средство. Человек с ячменём, которому тычут в лицо кукиш, изумляется от неожиданности, глаза широко распахиваются, кожа на веках напрягается, и ячмень прорывает.

– Ячменя у меня нет... – жёлчно начал я, но пожелать Карле типун на язык не успел. По нам скользнула большая тень, и я рефлекторно пригнулся. Мимо головы просвистело, и у ног шлёпнулась основательная лепёшка птичьего помёта.

– Адаптируется потихоньку! – прокаркал на лету птеродактиль Ксенофонт и, суетливо трепеща крыльями, полетел в сторону леса. Лёгок на помине.

– Берданки на тебя нет! – в запале крикнул я вдогонку.

– Зачем вы так? – пожурил Карла. – Ксенофонт прав. Вы начинаете кое-что понимать. – Он посмотрел на птеродактилеву лепёшку, всё-таки не выдержал и фыркнул: – А хорошо, что коровы не летают, а?

Я скосил глаза на лепёшку у ног и брезгливо передёрнул плечами, представив, что было бы, если б птеродактиль оказался точнее. Лепёшка, в сравнении с птеродактилем Ксенофонтом, была несоразмерно большой. Но птеродактиль не птица.

– Это, надо понимать, ягодки?

– Какие ягодки? – не понял Карла.

– Которые после цветочков.

– Ах, эти... – Карла покачал головой. – Нет, не ягодки. Так, завязь первая...

Он приподнял шляпу, кивнул, развернулся и степенно, опираясь на трость, зашагал к двери гостиницы.

«Какие же меня здесь ждут ягодки?!» – ужаснулся я и опустился на завалинку. Пора, в конце концов, признать, что в Бубякине происходят аномальные явления. Хватит уговаривать себя, что всё это имитация, фальсификация и подделка... Конечно, когда всё списываешь на цирковые фокусы, чревовещание, медикаментозные мутации, пиротехнические спецэффекты, маразм и шизофрению местных жителей, как-то спокойнее и увереннее себя чувствуешь. Можно продолжать в том же духе: предположить, что в мотеле «91-й километр» на трассе Ворочаевск – Усть-Мантук мне в завтрак подмешали галлюциногенов и теперь дураят голову, как хотят. Этой версией можно объяснить всё, что угодно: и почему все знают, кто я такой, и двухголового пса, и фиолетовую картошку, и бздыню, и щупальца огородника, и вращающийся столб с указателями звёзд, и говорящего птеродактиля и... и, в конце концов, его лепёшку под ногами.

Мимо неторопливо протрусил трёхцветный двухголовый Барбос, скосил на меня четыре глаза, пренебрежительно чихнул и, лавируя между возводящимися аттракционами, направился к столбу со звёздными указателями.

Я посмотрел ему вслед. Нет, так не годится. Понятно, что сознание рефлекторно пытается всему искать разумное объяснение, но, быть может, в том-то и заключается сермяжная правда познания мира, чтобы суметь абстрагироваться от впитанных с детства азбучных истин строения Вселенной? Когда-то Вселенная представлялась как плоская земля, накрытая хрустальным сводом небес с неподвижными звёздами, и средневековые прагматики довольно толково и аргументировано находили обоснование такому устройству мира. Современные прагматики считают Вселенную бесконечным трёхмерным миром, чьи законы регламентируются предельной скоростью света, постоянной Планка, гравитационной постоянной и прочими незыблемыми константами. А если мир на самом деле многомерен, если в нём существуют параллельные пространства, обратное течение времени? Тогда мы в своей дремучести ничем не отличаемся от средневекового монаха, который добрался до края Земли, высунул голову в прореху хрустальной сферы и увидел колёса небесной механики. Только мы в прореху трёхмерной Вселенной вместо колёс небесной механики созерцаем регламентируемые, как плоская Земля, физические постоянные и незыблемые, как хрустальный небесный свод, математические константы...

– Привет, женишок, – услышал я из-за спины.

«Место встречи изменить нельзя...» – оборачиваясь, подумал я. В прошлый раз именно тут и именно так, со стороны палисада, Лия подошла ко мне.

Лия переделалась. Теперь на ней были обыкновенные джинсы, кроссовки, свободная голубая футболка, а на руках длинные, по локоть, голубые перчатки, словно она прятала ожог от моей руки. Причёска была та же, в виде башни на затылке, но волосы не светлые, а каштановые. «Парик», – неожиданно понял я и, вспомнив, как топорщился старушечий платок на её голове, представил громадную шишку на затылке. Урод, что с неё возьмёшь... Однако в возникшем в воображении образе: с лысой головой и шишкой на затылке – Лия всё равно не выглядела уродом. Как бы мне этого ни хотелось. А мне, честно говоря, не хотелось представлять её уродиной.

– Здоровались сегодня, невеста, – буркнул я. – Не боишься ко мне через палисадник тропку протоптать?

– Лишь бы замуж за тебя не выскочить, – отрезала она, но мне почему-то показалось, что прозвучало это неискренне, и на лице под зеленоватым загаром проступил румянец.

Я почувствовал себя неловко и отвёл взгляд.

– Цветы жалко... – пробубнил я. Мне снова захотелось её поцеловать, и в этот раз чувство было настолько ошеломляюще острым, что еле сдержался. Чёрт, да что это со мной?! Никогда раньше не испытывал столь сильного влечения к женщине, тем более малознакомой. Приворожила она, что ли, как глаза на дороге отвела? Или всё дело в странном ожоге, когда наши руки соприкоснулись?

Я скосил глаза и исподтишка глянул на свою ладонь. Зеленоватый налёт не исчез. В сочетании с волдырями от крапивы зрелище было не из приятных.

– Что у тебя с руками?

– В крапиву влез... – нехотя сообщил я, ожидая, что и она начнёт рекомендовать «народное средство», однако не учёл, что жалости ко мне Лия не испытывала. Скорее, наоборот.

– Жаль, что только руками, – сказала она.

Я перевёл взгляд со своих рук на её и увидел, что пальцев на перчатках пять. Она держалась за штaketник, и большие пальцы охватывали доски так, будто были настоящими. Неужели протезы?

– За сборкой наблюдаешь или в сторожа хочешь наняться? – поинтересовалась она, кивнув в сторону возводящихся аттракционов.

Увеселительный городок за невысокой, максимум метра полтора, решётчатой оградой с величественной аркой рос на глазах. Уже можно было различить, где будут американские горки, где – карусель, где – колесо обозрения. Двое рабочих монтировали колесо обозрения на высоте двадцати метров и страховкой при этом не пользовались. Понятное дело – манекены... Фигурально выражаясь.

– Изучаю, – в тон Лие ответил я, поднял фотоаппарат и сделал пару снимков. Толку от этих снимков было ещё меньше, чем от фотографий птеродактиля Ксенофонта и голубого подобия долгопята-привидения Ля-Ля. Подумаешь, без страховки люди работают... В чём тут аномалия? Дурость разве что. Дурости в нашей стране и помимо бесшабашных монтажников хватает.

– Надеешься, тебе поверят? – фыркнула Лия, словно угадав ход моих мыслей.

– Вряд ли, – согласился я и добавил: – Главное – я верю.

И только когда сказал, понял, что начинаю относиться к происходящему в Бубякине как к само собой разумеющемуся. Будто так и надо и иначе быть не может. Адаптируюсь, как прокричал птеродактиль Ксенофонт.

– Что ж, если веришь, может, и будет из тебя толк... – раздумчиво произнесла Лия и спросила: – Давно здесь сидишь?

Я пожал плечами:

– Как начали монтировать аттракционы... А что?

– Ля-Ля случайно не видел?

В голосе Лии прозвучали тревожные нотки, я посмотрел на неё и понял, что именно ради этого вопроса она и подходила ко мне. Всё остальное – прелюдия, так сказать, для завязки и поддержания разговора. Понимание было настолько чётким и ясным, будто Лия сама об этом сказала. Или я вдруг научился читать мысли... Как она. И ещё я понял, кто сидел в картонной коробке, которую Лия везла на тележке.

– Видел, – признался я.

– Где?

– Там, – махнул я в сторону коттеджей. – Ля-Ля сидела на заборе. Затем упала и пропала.

Хотелось как-то срифмовать, наподобие «А и Б сидели на трубе...», либо «Шалтай-Болтай сидел на стене...», но ни к «забору», ни к «штaketнику» не сумел сходу подобрать рифму. Хотя очень хотелось, чтобы удивить Лию и понравиться ей. Но получился обратный эффект.

– Нескладно, – заметила Лия, в очередной раз угадав мои мысли.

– Зато правда, – нашёлся я.

– Взаправду упала? – не поверила она.

– С забора, – подтвердил я и добавил: – По-моему, в обморок.

– А что значит, «пропала»?

– То и значит. Я поискал её в кустах, но она будто в воду канула. Хотя там везде земля.

Лия задумалась, постукивая пальцами по штaketнику.

– Что ты ей сказал? – наконец строго спросила она.

– Ну... – чуть было не ляпнул я напрямую, но вовремя вспомнил, какого мнения Лия о дрынобуле, и ответил обтекаемо: – Спросил, что она знает об одной штуке, с помощью которой могут летать велосипеды с крыльями.

Лия внимательно посмотрела на меня.

– И назвал слово?

– Назвал.

Я с сожалением развёл руками.

– Я предупреждала, что при девушках это слово произносить неприлично! – возмутилась Лия.

– Не знал, что Ля-Ля девственница, – снова развёл я руками.

Лия вспыхнула и одарила меня презрительным взглядом:

– Что-то ты чересчур сексуально озабочен... Идём, покажешь, где пропала Ля-Ля.

Язык зачесался объединить свою сексуальную озабоченность с предложением куда-то пойти, но я удержался от пошлости. Можно и по морде схлопотать, а я не хотел с Лией сориться. И обижать её не хотел. Хотел поцеловать и ощутить вкус её губ. Чёрт побери, да откуда, в самом деле, у меня эта чрезмерная сексуальная озабоченность?!

– Идём, дорогуша! – развязно согласился я и, фиглярничая, протянул ей руку.

Лия отпрянула.

– Не смей больше никогда ко мне прикасаться! – вскипела она.

– Как скажешь... – вздохнул я, опуская руку. Больше всего на свете мне сейчас хотелось даже не поцеловать, а прикоснуться к её руке. Два раза прикасался к ней: первый раз – подсаживая под локоть в «хаммер» на лесной дороге, но тогда сквозь рукав ватника ничего не ощутил, зато второй раз...

Лия прошла вдоль штaketника и вышла в калитку.

– О, я вижу, у вас всё сладилось! – воскликнула Дормидонтовна из беседки. – Идите к нам, чай пить! Мы свеженький заварили, с вареньицем малиновым...

Дед с бабой смотрели на нас, умильно улыбаясь, жестами зазывая в беседку.

– А я музыку по такому случаю заведу! – радушно пообещал Дормидонт и потянулся к ручке граммофона. – Заходите.

– Всенепременно! – заверил я и одарил Дормидонта с Дормидонтовной лучезарной улыбкой. – Только за Василием ходим и вместе придём!

Улыбки слетели с лиц деда и бабы, будто их кто-то смахнул, рука деда замерла на полпути к граммофону.

– Как ты их отбрил, – впервые улыбнулась мне Лия, направляясь в сторону коттеджей, однако сразу установила между нами дистанцию в пару метров.

– Адаптируюсь... – вздохнул я. Мне очень хотелось идти рядом, но от меня ничего не зависело. Давненько не испытывал такого светлого и бесхитростного чувства, разве что в отрочестве, когда впервые гулял с девчонкой. – Они так часто зазывают на чай, что я подумываю повесить на грудь табличку: «Чай не пью!»

– А ты уверен, что они грамотные?

– Разве?! – изумился я.

– Не знаю, – равнодушно сказала Лия и спросила: – Где ты видел Ля-Ля?

– На заборе сразу за коттеджем Дитяткина и Кудесникова. Вон там, где стучат.

От коттеджа горе-воздухоплателей доносился стук молотка по металлу. Очевидно, юный Кудесников выправлял погнутую велосипедную раму.

– Я знаю, где они живут, – сообщила Лия.

– И кто они, тоже знаешь?

– Знаю.

– Тогда подскажи, кто из них Дитяткин, а кто – Кудесников.

– А ты не разобрался? – лукаво глянула на меня Лия и прищурила глаза нижними веками.

Совсем как Ля-Ля.

– Нет.

– Не всё ли равно, кто из них кто? – пожала плечами Лия.

– Как это – не всё ли равно? – удивился я. – В конце концов, они не Бар и Бос.

– Не Бар и Бос, – согласилась Лия. – Но нечто похожее. Они – пара.

«Вот те на! – ошалело подумал я. – Гомосеки, что ли?!» Я покосился на Лию, но спросить не решился, помня, как она отреагировала на дрынобулу.

– Пара – это вовсе не то, что ты подумал, – поморщилась Лия.

Кажется, она и вправду читала мои мысли, однако это я воспринял спокойно. Адаптируюсь...

– Добрый день, Серёженька! – окликнула меня Кузьминична, как только мы поравнялись с её коттеджем. – И вы, Лиечка, здравствуйте!

– Здравствуй, Кузьминична! – кивнула Лия.

Я недоумённо посмотрел на квартирную хозяйку и только потом вспомнил, что мы сегодня не виделись. Столько всего за день навалилось...

– Добрый день, – спохватился я.

– Отобедать, Сергей свет Владимирович, не желаете? – предложила Кузьминична. – И Лию приглашайте, чай, тоже не обедала.

– Чаем мы вообще-то не обедаем, – дежурно скаламбурил я и неожиданно почувствовал, что проголодался. Волка бы съел.

– Спасибо, Кузьминична, – поблагодарила Лия, – но нам некогда. Ля-Ля пропала.

– Знаю, – кивнула Кузьминична. – Свалилась с забора и пропала.

– Вот мы и хотим осмотреть место, где она пропала.

– А чего там осматривать? – возразила Кузьминична. – Нет её там. А раз нет, то и искать под забором нечего. Под забором можно разве что Васька́ найти, когда он с устатку.

Лия внимательно посмотрела на мою квартирную хозяйку.

– Кузьминична, вы знаете, где Ля-Ля?

– Знаю.

– Где?

– Вот пообедаете, тогда и скажу. Погляди, как твой, – Кузьминична указала на меня глазами, – скукожился без обеда.

Вовсе я не скукожился, но перечить не стал. Есть в самом деле хотелось сильно. До безобразия.

Лия мазнула по мне мимолётным взглядом, однако по поводу двусмысленного «твоего» Кузьминичны ничего не сказала. Её волновала судьба Ля-Ля. И только.

– А если с ней что-нибудь... – начала она, но Кузьминична её перебила.

– Ничего с Ля-Ля не станется. Идите обедать, а как пообедаете, скажу, где Ля-Ля искать.

И мы подчинились. Я с радостью, да и Лия, по-моему, была не прочь перекусить. Тем более что с местонахождением Ля-Ля кое-что прояснилось и ей, вроде бы, ничего не грозило.

Я посторонился, пропуская Лию в калитку, прошёл следом.

– Сергей свет Владимирович, покажите гостье, где руки помыть, – попросила Кузьминична, суетясь у стола.

Я провёл Лию в коттедж, показал ванную комнату и, пока она мыла руки, сбросил на ноутбук файлы своей фотосессии, а затем решил посмотреть, что у меня получилось.

Панорама Бубякина, Барбос, возводящийся комплекс аттракционов получились хорошо, а вот с кадрами птеродактиля Ксенофонта и Ля-Ля вышло нечто непотребное. Вместо трёх кадров с птеродактилем Ксенофонтом на всю ширину снимков были запечатлены трёхпалые кукиши: левый, правый и оба вместе, а на кадрах, где должна быть медлительная Ля-Ля, над забором красовалось размытое голубое пятно, как будто малайский долгопят и в самом деле оказался привидением.

Как это могло произойти, я не понимал, тем более что снимки птеродактиля я проверял на месте после съёмки, и тогда они были нормальными. Но я не очень расстроился. Стал привыкать. Очередные штучки-дрючки квазимагнитных полей Кашимского аномального треугольника.

– Сергей Владимирович! – позвала со двора Кузьминична. – Мы вас ждём, обед стынет!

– Бегу! – крикнул я в открытое окно, выключил ноутбук, по-быстрому ополоснул руки и выскочил на крыльцо.

Лия уже сидела за столом, причём снова в перчатках. Зачем тогда, спрашивается, руки мыла? Кузьминична половником наливала ей в тарелку первое, а моя тарелка стояла напротив. Я подошёл к столу, переставил тарелку и сел рядом с девушкой. Ребячество, но ничего поделать с собой не мог.

– Так вам удобнее наливать, – пояснил Кузьминичне.

Кузьминична понимающе улыбнулась, а Лия ничего не сказала, но лицо у неё стало строгим, почти отчуждённым.

– Что у нас, хозяйюшка, на обед? – наигранно приподнятым тоном поинтересовался я.

– На первое – свекольник, – сообщила Кузьминична, наливая мне половником в тарелку.

Я глянул на свекольник и тут же отвёл взгляд. Цвет у свекольника в деревне Бубякино был интенсивно синий, и по поверхности плавали кусочки мелко нарезанного оранжевого огурца. Спасибо, не алюминиевого. Кузьминична, не скупясь, добавила в тарелку ложку сметаны, к счастью, обычного белого цвета, и я поскорее перемешал свекольник, чтобы забелить весьма неаппетитную цветовую гамму.

– На второе будет рагу, – продолжила Кузьминична, усаживаясь напротив. – Ещё пироги с грибами, клюквенный морс. Уж не обессудьте за скудость, Сергей Владимирович, чем богаты...

– Что вы, право, Кузьминична, – возразил я. – Какая скудость? Очень даже хороший стол.

Я осторожно попробовал неудобоваримый с виду свекольник и чуть язык не проглотил. Умеет моя хозяйка готовить... Что есть, то есть.

– А вкусно как! – похвалил я. – Удивляюсь вам, Кузьминична, как вы, при таких кулинарных способностях, и одна?

– Опять за своё? – насупилась Кузьминична. Она посмотрела на меня, на Лию, снова на меня и неожиданно лукаво улыбнулась: – Вот ежели бы сбросить годков так шестьсот-семьсот, то вас, Сергей свет Владимирович, непременно бы захомотала!

Я поперхнулся. Шутит она насчёт шестисот-семисот лет или?..

Лия тихонько рассмеялась.

– Что вы прибедняетесь, Кузьминична? – сказала она. – Вы и сейчас женщина в самом соку. Попробуйте, а вдруг клюнет? – Лия покосилась на меня. – Известная истина: путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Кузьминична покачала головой, улыбнулась:

– Что вы, Лиечка, неужто я буду его у вас отбивать? Вы такая пара...

В этот раз поперхнулась Лия и не нашлась, что ответить. Я посмотрел на неё и увидел, как она снова покраснела.

– И когда только вы успеваете готовить? – перевёл я разговор на другую тему и потянулся за пирогами. – Вроде бы с утра вас дома не было...

– Стряпать дело нехитрое, – отмахнулась Кузьминична. – Да вы кушайте, кушайте! Пироги с грибами, утром в лесу насобирала.

Я отдёргнул руку и с подозрением посмотрел на Кузьминичну.

– Случайно не мухоморов?

Кузьминична рассмеялась.

– Что, Серёженька, видели, как Ксенофонт мухоморы лопает? На то он и птеродактиль. – Она пододвинула ко мне блюдо с пирогами: – Здесь белые, подосиновики и подберёзовики. Так что не берите дурного в голову, кушайте. Мухоморы у нас только Хробак собирает.

Я взял пирожок, надкусил. Пышный, только что испечённый и, как всё у Кузьминичны на столе, вкусный.

– Для Ксенофонта собирает?

– А то для кого же? Правда, и сам иногда употребляет...

Я икнул.

– И... И как?

– А что ему сделается? Он же – Хробак!

Второй раз я слышал, что Хробак – это не просто имя, но уточнять, что оно означает, не стал. Если он употребляет мухоморы, то за столом лучше не интересоваться. Мало ли что может оказаться, хотя я и не из брезгливых.

В коттедже напротив со стуком распахнулось окно, в него высунулся Василий и страдальческим голосом позвал:

– Кузьминична...

– Чего тебе, болезный? – повернулась к нему Кузьминична.

– Кузьминична, у тебя гости?

– Гости, Васёк. Сергей свет Владимирович и Лия. А тебе что?

– Раз гости, то и выпить имеется?

– Имеется, Васёк. Морс клюквенный. Хочешь?

Василий подумал.

– И всё? – упавшим голосом спросил он.

– И всё.

– Чтоб ты сгорела со своим морсом... – простонал Василий и с треском захлопнул окно.

Кузьминична отмахнулась полотенцем, расшитым красными петухами, и я не успел заметить, добавился ли на полотенце ещё один петух.

– Бедолага... – вздохнула Кузьминична. – Вроде ничего мужик, да больно слаб до спиртного. А как гости начинают к нам наезжать, так пьёт беспробудно и меры не знает.

Сердобольной Кузьминична была сверх меры, как Василий в потреблении самогона. В голове не укладывалась, как у известной всем матери Кузьмы может оказаться такая внучка.

Больше мы за обедом не разговаривали. Лия ела молча, скорее всего, опасаясь беспочвенных намёков Кузьминичны, я же был настолько голоден, что, отбросив приличия, которые поначалу более-менее старался соблюдать, мёл со стола всё подряд. И необычный цвет блюд меня уже несколько не смущал. Принеси Хробак кузовок мухоморов, наверное, и их бы употребил.

Кузьминична, по своему обыкновению, с нами не обедала, сидела напротив, подперев ладонью щеку, переводила умильный взгляд с одного на другого и улыбалась. Наверное, вспоминала свою молодость семисотлетней давности.

Когда мы перешли к клюквенному морсу, Кузьминична наконец сказала:

– Ходили мы с Дурдычихой сегодня поутру в лес по грибы. Грибов видимо-невидимо, а черники ещё больше уродилось... – Она с хитрецей посмотрела на нас. – Жаль, лукошко всего одно с собой прихватили, некуда ягоду было собирать. А то бы вечером пирогов с черникой напекла...

Намёк был чересчур прозрачным, чтобы понять, к чему она клонит.

– Спасибо, Кузьминична, было очень вкусно, – поблагодарила Лия за обед. – Я бы с дорогой душой сходила по ягоды, но надо найти Ля-Ля.

– Вот и я о том же говорю, – поддакнула Кузьминична. – Как кузовок черники в Аюшкином логу наберёшь, тут-то Ля-Ля и объявится.

Лия ничуть не удивилась зависимости появления Ля-Ля от степени наполнения кузовка черникой. Удивилась другому.

– В Аюшкином логу? – недоумённо переспросила она, посмотрела на меня и непонятно почему снова покраснела.

– В Аюшкином, – подтвердила Кузьминична. – Там черничник большой и ягода самая крупная, самая сладкая.

Лия недоверчиво pokrutila головой:

– А Ля-Ля чего туда занесло?

– Неисповедимы пути слепой телепортации, – ответила Кузьминична, и у меня отвисла челюсть. Вот те и деревенская бабка! То всё талдычила: «Сергий свет Владимирович, Сергей свет Владимирович...» – и вдруг на тебе: – телепортация!

– А чтоб одной в лесу не страшно было, я тебе сопровождающего дам, – сказала Кузьминична и выразительно посмотрела на меня.

У меня перехватило дух.

– Дык, я... Енто... Мы завсегда... Мы робяты таки...

Уж и не знаю, откуда во мне деревенская старорежимность речи проклюнулась. От квартирной хозяйки заразился, что ли? Если ей можно современными словечками, вроде «телепортации» бросаться, то чем я хуже?

Лия скептически оглянула меня:

– Ещё неизвестно, кто при ком будет сопровождающим. Как бы ему самому в лесу страшно не стало.

Глава шестая

К лесу мы прошли по тропинке через огород Кузьминичны. Более аккуратных грядок мне видеть не доводилось, однако, не будучи специалистом по огородным культурам, ничего необычного в растениях я не обнаружил и, как ни вглядывался, ни кустов растительного мяса, ни бздыни, ни растущего из земли мифического сметанного вымени так и не увидел. Быть может, урожай трансгенных растений уже собрали, и он теперь лежал в закромах? Преддверие осени, как-никак, и большие участки огорода зияли идеально ровными проплешинами чисто убранной, тщательно перекопанной земли.

Сразу за огородом протекала мелкая и узкая, метра три-четыре шириной, речушка, не обозначенная на карте. Она выходила из леса, текла вдоль огородов и, не доходя до древней избы Хробака, снова поворачивала в лес. У куста калины, рдевшего налитыми гроздьями ягод, через ручей был переброшен утлый деревянный мосток, по которому мы, распугивая лягушек, по очереди осторожно перешли на другой берег и углубились в лес.

Если у дороги на Мщеры лес выглядел густым, чуть ли не дремучим, без единой тропинки, то здесь он был редким, почти без кустов, сухостоя и валежника, словно ухоженный. Под ногами шуршала прелая прошлогодняя листва, мягко пружинила опавшая хвоя.

– Далеко до Аюшкиного лога? – спросил я.

Лия, строго соблюдавшая дистанцию между нами, неопределённо повела плечами:

– Когда как. Когда минут пятнадцать идти, когда полчаса. А если леший водить начнёт, то и заблудиться недолго.

Я помолчал. Либо шутки у Лии такие, либо... В конце концов, если в деревне есть домики и огородники, то почему в лесу не быть лешему? Хотя в таком редком лесу в наличие лешего верилось с трудом. Леший не огородник, сухостой и валежник убирать не станет. Впрочем, неопределённости пути к Аюшкиному логу было и рациональное объяснение – близость Кашимского аномального треугольника, в котором не раз отмечались сдвиги во времени.

– Никак не пойму, – сказал я, – ты родом из Бубякина или я ошибаюсь?

– С чего ты взял, что я отсюда родом? – удивилась Лия.

– Ты всё здесь знаешь, будто родилась в деревне, и в то же время остановилась в гостинице. Прямых родственников не осталось?

– Я родилась не в Бубякине. Просто часто приходится здесь бывать, вот и знаю многое.

– Тогда и о Кашимском аномальном треугольнике имеешь представление... – задумчиво протянул я.

– Имею.

– И что ты о нём думаешь?

– А чего о нём думать? Я знаю, что это такое.

– Да? – опешил я, застыв на месте, будто уткнувшись в стену.

– Да, – Лия тоже остановилась и усмехнулась: – Рот закрой, а то вид очень глупый.

Я захлопнул рот, переступил с ноги на ногу и уронил пустой кузовок. Кузовок ударился о ногу и откатился к Лие.

– Хорошо, что пустой, – сказала она, нагибаясь за ним.

– Что ты сказала? – переспросил я.

– Говорю, хорошо, что черники в кузовке нет. Плакали бы тогда пироги Кузьминичны.

– Да нет, что ты сказала о Кашимском аномальном треугольнике? – досадливо поморщился я, приходя в себя.

– Что-то ты чересчур впечатлительный, – усмехнулась она и бросила мне кузовок: – Держи.

Я машинально поймал кузовок, продолжая смотреть на Лию требовательным взглядом.

– Тебе как, по-научному объяснить или по-простому? – поинтересовалась Лия, и в её голосе прозвучали те же интонации, что и у Ля-Ля, когда она спрашивала, правду ли ей сказать или соврать. Два сапога пара...

Я корректно промолчал. Что Лия может объяснить по-научному, если в миру ведёт жизнь бомжихи? Это здесь она вот такая – в фирменных джинсах, кроссовках да перчатках по локоть, которые впору разве что к вечернему платью.

Кажется, Лия уловила мои мысли, и в её глазах заискрились смешинки.

– Ах, да, ты ведь у нас уфолог, – саркастически заметила она. – Диссертацию пишешь...

Я снова промолчал. Если птеродактиль Ксенофонт знал о диссертации, то Лие, как говорится, сам бог велел.

– По-научному, так по-научному. Область так называемого Кашимского аномального треугольника является дезориентирующим фантомным образованием, выполняющим отвлекающе-маскировочную функцию базового объекта.

Наверное, лицо у меня вытянулось, потому что Лия фыркнула и добавила:

– А по-простому – четырёхмерная тень деревни Бубякино.

– Зачем? – глупо спросил я.

– Чтобы такие любопытные, как ты, изучали Кашимский аномальный треугольник, а в Бубякино нос не совали.

– И что здесь надо прятать?

– А ты оглядись. Вдруг сейчас из-за кустов леший появится?

Я растерянно оглянулся. Деревья как деревья, кусты как кусты. Сосны, осины, кое-где берёзки. Опавшая хвоя под ногами, прошлогодние шишки... Лес как лес. Обычный. Вот только грибов, которых, по словам Кузьминичны, в лесу видимо-невидимо, не было.

Лия прыснула, с ветки ближайшей осины застрекотала, будто насмехаясь, сорока, и тогда я понял, что меня провели. В очередной раз, как мальчишку. Нравится им всем психологические тесты на мне ставить... Мол, не суй нос, куда не попадая, если не отдавят, то утрут. Либо будут долго за него водить... И всё же хамить я не стал.

– Пирогов с черникой хочу... – буркнул я, не глядя на Лию. – Идём.

И зашагал в лес. Врал я. Не хотелось мне пирогов с черникой, хотелось поцеловать Лию.

– Ты куда? – остановила она меня.

– За черникой.

Я обернулся. Лицо у Лии было серьёзным, и мне показалось, будто она жалеет, что посмеялась надо мной. По крайней мере, я на это надеялся.

– В той стороне болото.

– Куда тогда идти?

Лия окинула меня оценивающим взглядом, словно сомневаясь, стоит ли вести меня к Аюшкиному логу, и вздохнула, явно оставшись недовольной осмотром.

– Иди за мной, – сказала она и зашагала в лес значительно левее моего направления. В том же направлении километрах в десяти отсюда находился Кашимский аномальный треугольник. Или дезориентирующее фантомное образование.

Я шагал метрах в трёх позади Лии, соблюдая установленную ею дистанцию, смотрел на её импозантную причёску, которую она старательно оберегала от разлапистых веток сосен, и пытался представить, что за шишку на затылке она прикрывает париком. Ничего путного у меня не получалось.

В воздухе пахло хвоей, но запах был необычный для сырого предсосенного леса: сухой и терпкий – так пахнет в сосновом лесу в знойный полдень. Может быть, у Лии духи такие? Знойные... Судя по её характеру, духи ей не подходили. Не соответствовали. Но мне, странное дело, нравились, если, конечно, это духи, а не натуральный запах хвои.

– Что-то я грибов не вижу... – пробурчал я, возобновляя разговор. Не мог на неё долго обижаться, и всё тут. Влекло меня к ней, и ничего с собой я поделать не мог.

– Ты в лес за грибами пошёл или за черникой? – спросила Лия через плечо.

– За черникой...

– Пошёл бы за грибами, были бы грибы.

– Можно подумать, что они живые и прячутся, – пробурчал я, но Лия не ответила. Тогда я спросил о другом: – Кто такой Аюшка?

– Кто-кто?

– Аюшка или Аюшкин. В честь которого лог называется. Или это она?

Лия хмыкнула.

– Не он и не она. Это... – Лия запнулась, помолчала и закончила неожиданно натянутым тоном: – Вообще-то русский язык нужно знать.

Сказала, как отрезала.

Я покопался в памяти, пытаюсь отыскать какие-либо ассоциации. «Аюшкин лог... Аюшки...» Вроде бы что-то наподобие отклика... Мол, чего надо... Кричишь, скажем, в лесу: «Ау!», а в ответ из ближайших кустов: «Аюшки?» Версия для леса выглядела убедительно, но мне почему-то казалось, что в слово заложен какой-то иной смысл. С чего бы тогда Лия отвечала натянутым тоном? Будто я попросил объяснить, что такое дрынобула. Неужели нечто похожее?

– Вот мы и пришли, – сказала Лия, выходя на поляну – небольшую ложбинку между двумя пологими склонами, поросшими редким лесом. Будь поляна на метр ниже, здесь определённо бы раскинулось болото.

– Это лог? – недоумённо спросил я.

– Лог.

В моём представлении лог должен быть длинным, извилистым, мрачным, между высокими, как сопки, холмами. Крикнешь в таком логу «Ау!» – и эхо пойдёт по нему гулять многократным отражением, будто кто-то перекликается. В этой же полянке было не более пятнадцати метров, и окружали её не холмы, а так, бугорки. Крохотуля, а не лог. Вот уж, действительно, в нём на «Ау!» разве что «Аюшки?» и услышишь, а эха не дождёшься.

– Какой же это лог? – пренебрежительно отозвался я. – Так, ложбинка...

– Под ноги посмотри, – насмешливо заметила Лия.

Я глянул и ахнул. Полянку покрывал сплошной ковёр мелких кустиков черники, и трудно было определить, чего в поросли больше – зелени листьев или черноты крупных ягод.

– Сюда надо было идти с заплечными коробами, а не с маленьким кузовком, – сказал я.

– На рынке черникой торговать собрался? – неприязненно заметила Лия. – Что вы за люди такие – всё бы под себя грести да грести. Не для одного тебя черника в лесу растёт.

– Вот те на! – попытался я перевести всё в шутку: – А для кого же ещё?

Лия шутки не приняла:

– В лесу много зверья, ему тоже надо что-то есть.

Говорила она в сторону, не глядя на меня, и лицо при этом было строгим, отчуждённым. Она начала аккуратно, освобождая палец за пальцем, стягивать перчатки, и я увидел, что большие пальцы у перчаток пустые. Как же она за столом ложку держала? Во время обеда у меня сложилось твёрдое убеждение, что в перчатках искусные протезы, идеально имитирующие большие пальцы – никто посторонний в жизни бы не догадался, что их нет. Странно всё это... А говорящий птеродактиль, а голубое подобие долгопята привидения – это не странно? Что вообще в деревне Бубякино нормальное? Разве что пироги с грибами у Кузьминичны да вот черника-ягода под ногами.

– Поставь кузовок, – по-прежнему не глядя на меня, указала под ноги Лия. – Ты будешь собирать слева, я – справа. – Она присела на корточки. – Ягоду не топчи и собирай всю подряд. Дело нехитрое.

Я присел и начал рвать чернику. По одной яголке. Ноги почти сразу начали затекать, однако на колени я стать не решился, опасаясь запачкать брюки.

У Лии, несмотря на отсутствие больших пальцев, дела шли гораздо лучше. Она подвела растопыренные пальцы под кустик, проводила по стеблям как гребёной, и у неё сразу набирались полные горсти ягод. Я попытался воспроизвести её технологию, но в результате получил горсть раздавленных ягод. Пришлось съесть, чтобы не выбрасывать. «Нехитрое» дело всё-таки оказалось мне не по зубам, и я продолжил собирать по одной яголке, с завистью бросаая косые взгляды на так и порхающие руки Лии.

Лицо у Лии было сосредоточенным, почти суровым, на меня она не смотрела, но я вдруг заметил, как на щеках начал разгораться румянец.

– Перестань пялиться на мои руки! – наконец не выдержала она.

– Почему? – изумился я.

– Ты же считаешь меня уродиной!

– Что ты, Лиечка! Ты очень красивая. Я завидую, как ты своими руками чернику рвёшь, у меня так не получается...

– Хватит! – Щека у Лии дёрнулась, и я осёкся, поняв, что, упомянув её руки, сморозил глупость. – Когда болтаешь, ещё хуже. Работай молча!

– Я вовсе не хотел тебя обидеть... – растерянно пробормотал я.

Лия отвернулась и с каменным лицом продолжила собирать чернику. Я тяжело вздохнул, развёл руками и, не найдя, что добавить, тоже стал рвать чернику. И всё же, несмотря на запрет, продолжал исподтишка поглядывать на Лию. Мне снова захотелось коснуться её руки и испытать странное ощущение непонятного разряда между нами, болезненное и вместе с тем влекущее. Я пытался вроде бы невзначай коснуться её пальцев, когда мы бросали ягоды в кузовок, но, как ни ловчился, из моей затеи ничего не выходило. То ли Лия читала мои мысли, то ли у неё было прекрасное периферийное зрение. Поняв, что моя уловка разгадана, я снова тяжело вздохнул и продолжил собирать чернику, не глядя на Лию. Нечего себя попусту обнадёживать.

Руки встретились над кузовком действительно невзначай, когда он был уже почти полон. Снова между нами проскочила болезненно-томная искра, но в этот раз Лия ладонь не отдернула, и наши руки будто прикипели друг к дружке. Медленно-медленно, боясь поверить в случившееся, я поднял глаза на Лию. Она застыла в неподвижности, в упор смотрела на меня широко распахнутыми глазами, и только голубая венка дёргалась у неё на шее, да лицо наливалось румянцем. Всё ещё не веря себе, я осторожно потянулся к Лие и наконец-то поцеловал.

Но вкуса губ так и не ощутил, потому что началось сплошное сумасшествие. Светопреобразование, угар. Сознание затянул белесый туман, я ослеп, потерял чувство ориентации в пространстве и весьма смутно представлял, что с нами происходило. Кажется, мы срывали друг с друга одежды, кажется, в буйстве экстаза, слившись воедино, катались по черничнику... Все эмоции выплеснулись, захлестнули громадной, как цунами, волной, и не было желания в них разбираться. Хотелось одного: быть на гребне сумасшедшей волны своих эмоций, ощущать заполонившее душу, перехлёстывающее через край чувство беспредельного восторга.

Когда я очнулся и смог наконец что-либо соображать, то увидел, что мы голышом лежим посреди Аюшкиного лога, чумазы от черничного сока. Голова Лии покоилась на сгибе моей руки, глаза были закрыты. Черты лица разгладились, утратили отчуждённость, и оно было спокойным и умиротворённым. Парик где-то потерялся, но голова оказалась не лысой – её покрывала причудливая причёска из ороговевших, превратившихся в монолитную застывшую шапку, каштановых волос. Известный мутагенный фактор носорожьего рога, но у людей практически не встречающийся.

– Я же говорила, что уродина, – не открывая глаз, сказала Лия.

– Что ты, Лиечка, ты очень красивая... – сказал я и вдруг понял, что не вру.

Я взял её безвольную руку, повернул к себе ладошкой, поцеловал и ощутил на губах лёгкое покалывание. Ещё мгновение назад эти ладони жгли моё тело. Я снова поцеловал ладошку и почувствовал терпко-горьковатый запах разогретой солнцем хвои. Нет, это были не духи и не запах леса – так пахло её тело.

– Будешь теперь весь зелёный, как я, – тихо сказала Лия.

– Ну и что?

Я покосился и увидел, что она смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Взгляд был настолько проникновенный и открытый, что в душе всё перевернулось, и я невольно отвёл глаза. На такую искренность я был неспособен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.